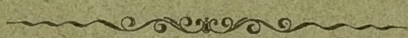
Н. К. Грунскій.

Жизнь, дѣятельность и взгляды К. Д. Ушинскаго.

Изъ курса исторіи педагогики,
читан. въ Юрьевской Женской Гимназіи въ 1905 году.



Юрьевъ.
Типографія Эд. Бергмана, Рыцарская 17.
1906.

ЧЕРТКОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Н. К. Грунскій.

Жизнь, дѣятельность и взгляды К. Д. Ушинскаго.

Изъ курса исторіи педагогики,
читан. въ Юрьевской Женской Гимназіи въ 1905 году.

Юрьевъ.
Типографія Эд. Бергмана, Рыцарская 17.
1906.

Жизнь, дѣятельность и взгляды К. Д. Ушинскаго.

Изъ курса исторіи педагогики, читан. въ VIII кл. Юрьев. жен. гимназіи въ 1905 г.

Съ именемъ К. Д. Ушинскаго, этого неутомимаго труженика эпохи императора Александра II на нивѣ родного просвѣщенія, тѣсно связана вся послѣдующая исторія нашего воспитанія и образованія. Въ лицѣ К. Д. Ушинскаго недавнее прошлое дало намъ такого руководителя, который сумѣлъ сплотить запросы русской школы и заставилъ смотрѣть на ея дѣло, какъ на великую задачу, требующую систематически упорнаго труда...

Всѣ усилія этого идеалиста были настойчиво и упорно направлены на поиски возможности воспитанія въ свое время такого „человѣка", на котораго съ гордостью можно бы указать нашимъ дѣтямъ и внукамъ и по безупречной дорогѣ котораго можно бы вести смѣло наши поколѣнія. Горячо любя людей, прекрасно понимая силу и значеніе воспитанія и образованія, Ушинскій умѣлъ это сконцентрировать въ своей всеобъемлющей педагогической идеѣ. Въ нее онъ вложилъ свою душу, свои беззавѣтные идеалы и стремленія. Главное достоинство его идеи было въ томъ, что она, не теряя своей красоты и художественности, въ то же время далеко не была фантастична, не была способна обманывать себя и другихъ заоблачностью мечтаній. Она была строго и трезво обдумана, правдива, и вполнѣ жизненна. Эта жизненность, которая била въ ней ключемъ, въ свое время, охвативъ собою семью и школу, учащихъ и учащихся, взрослыхъ и малолѣтнихъ, не утратила силы своего чарующаго обаянія и до нашихъ дней.

Въ настоящее время даже въ самыхъ глухихъ провинціальныхъ захолустьяхъ обширной Руси трудно найти грамотнаго человѣка, которому такъ или иначе много свѣта и тепла не дала любящая душа и сила таланта Ушинскаго. Куда бы ни забросила судьба русскаго образованнаго человѣка, въ какомъ бы медвѣжьемъ углу ни пришлось ему жить, но если ему не чуждъ дѣтскій міръ, ему всегда близко и дорого имя Ушинскаго. . .

Русской женщинѣ особенно должно быть дорого имя К. Д. Ушинскаго: онъ указалъ, разъяснилъ ей ея великое значеніе какъ матери, жены и активнаго члена общества, онъ былъ искреннимъ другомъ ея и ея ребенка; самое возникновеніе нашихъ женскихъ гимназій въ очень многомъ было обязано К. Д., этому, можно сказать, основателю болѣе методическаго и систематическаго образованія русской женщины.

I.

Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій происходилъ изъ древней малороссійской дворянской фамиліи. Онъ хотя и родился въ г. Тулѣ (въ 1824 г.), но Малороссію всегда считалъ своей родиной, любилъ ее страстно и вспоминалъ о ней всегда съ восторгомъ. Его лучшіе годы, дѣтство и юность, прошли среди чудной и поэтичной малороссійской природы. Вблизи Новгородъ-Сѣверска, почти на городской окраинѣ, на возвышенномъ берегу Десны, широко раскинулась барская усадьба Ушинскихъ, это былъ красивый и уютный уголокъ. Отецъ и мать Ушинскаго, люди образованные и жившіе очень дружно, стремились обставить культурными условіями и дать возможно болѣе серьезную и прочную постановку домашнему воспитанію своихъ дѣтей. У нихъ была довольно хорошая библіотека. Не чужой глазъ и не наемныя руки, а ихъ нѣжно-любящее руководство служило дѣтямъ воспитательнымъ средствомъ. Маленькій Костя особенно горячо любилъ свою мать и навсегда сохранилъ о ней теплыя воспоминанія. Судя по многимъ даннымъ, семейная обстановка въ пору дѣтства Ушинскаго способствовала тому идеальному отношенію, которое проявлялъ онъ впослѣдствіи въ своихъ сочиненіяхъ къ значенію семьи въ дѣлѣ воспитанія и въ частности къ ея естественной руководительницѣ — женщинѣ матери. И вообще жизни своей семьи, а главнымъ образомъ вліянію своей матери, женщины любящей, мягкаго и кроткаго характера, Ушинскій былъ обязанъ развитіемъ тѣхъ идеальныхъ задатковъ, которые всегда проявлялъ одинаково въ своихъ произведеніяхъ и въ практической дѣятельности.

На той же почвѣ получила свое коренное развитіе и любовь Ушинскаго къ природѣ, деревнѣ и народу. Отецъ К. Д. былъ большимъ любителемъ садоводства. Бо́льшую часть своего досуга онъ имѣлъ обыкновеніе посвящать уходу за своимъ садомъ и привлекалъ къ возможно дѣятельному участію въ этомъ дѣлѣ и дѣтей.

Тѣ взгляды на воспитательное вліяніе природы, которые Ушинскій высказывалъ впослѣдствіи въ своихъ педагогическихъ сочиненіяхъ, получили свое непосредственное начало здѣсь, въ старомъ и тѣнистомъ саду его отца, откуда открывался живописный видъ на Десну и ея окрестности; здѣсь прежде всего на себѣ самомъ Ушин-

скій испыталъ силу и значеніе воспитательности общенія съ природой, почему и былъ впослѣдствіи такимъ убѣжденнымъ сторонникомъ воспитательнаго вліянія природы на развитіе молодой души.

По натурѣ крайне впечатлительный, К. Д. росъ мечтательнымъ, страстнымъ любителемъ книгъ и романтической обстановки. Библіотека его отца, старый, тѣнистый садъ и живописная Десна были первой почвой, изъ которой выработался впослѣдствіи общій складъ поэтичной личности нашего перваго педагога-художника. Вспоминая свое былое счастливое время, Ушинскій замѣчаетъ: „Боже мой, сколько перемечталось на этомъ прекрасномъ берегу, на этихъ кручахъ, нависшихъ надъ рѣкой, какъ оживлялась и наполнялась впечатлѣніями жизнь моя, когда приближалась весна. Я слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, за каждой малѣйшей перемѣной въ борьбѣ зимы и лѣта. Тающій снѣгъ, чернѣющій ледъ рѣки, расширяющаяся полынья у берега, проталины въ саду, земля, проглядывающая тамъ и сямъ изъ подъ снѣга, прилетъ птицъ, оживающій лѣсъ, шумно бѣгущіе съ горъ ручьи — все это было предметомъ моего страстнаго, недремлющаго вниманія и „впечатлѣнія бытія“ до того переполняли мою душу, что я ходилъ, какъ полупьяный“. Отсюда можетъ быть вполнѣ понятнымъ, почему Ушинскій всегда твердо вѣрилъ, что живыя и сильныя впечатлѣнія природы имѣютъ ни съ чѣмъ несравнимое воспитывающее вліяніе на нѣжную душу ребенка. „Зовите меня варваромъ по педагогикѣ“, замѣчаетъ Ушинскій, „но я вынесъ изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ тоже воспитательное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ трудно соперничать вліянію педагога, что день проведенный ребенкомъ среди рощъ и полей, когда его головой овладѣваетъ какой-то упоительный туманъ, въ теплой влагѣ котораго раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и безсознательно впитывать въ себя мысли и зародыши мыслей, потокомъ льющіяся изъ природы, что такой день стоитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ“. Послѣ уже будетъ поздно воспользоваться этимъ, говоритъ Ушинскій въ другомъ мѣстѣ, „когда сердце утратитъ свою дѣтскую мягкость, а разсудокъ станетъ между человѣкомъ и природой“.

Привольная жизнь К. Д. въ семьѣ по счастливой для него случайности не получила какого либо ощутительнаго, существеннаго измѣненія, когда настало для него время школьной поры. Благодаря своимъ хорошимъ природнымъ способностямъ, домашней подготовкѣ, а также немало съ дѣтства развитой любви къ чтенію, К. Д. безъ особаго труда имѣлъ возможность 11 лѣтъ поступить въ 3 классъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Въ то время во главѣ этой гимназіи стоялъ бывшій профессоръ харьковскаго университета, Илья Фе-

доровичъ Тимковскій. Подъ руководствомъ этой свѣтлой личности Новгородъ-Сѣверская гимназія получила въ своемъ родѣ извѣстность и считалась въ ту пору одной изъ лучшихъ. Тимковскій, человѣкъ извѣстный среди ученаго міра своего времени, былъ глубоко преданъ интересамъ науки и умѣлъ внушить уваженіе къ ней своимъ воспитанникамъ, не прибѣгая для этого къ какого либо рода репрессіямъ. Чиновничій формализмъ ему, повидимому, былъ совершенно чуждъ. Впослѣдствіи, какъ на одну изъ хорошихъ сторонъ своей гимназической жизни, К. Д. указывалъ на сравнительно болѣе допущенную въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи свободу и возможно меньшее развитіе формализма. Пр. Тимковскій былъ первымъ педагогомъ, который привилъ К. Д. зачатки идеальнаго взгляда на истинное значеніе учительства. И. Ф. Тимковскій, какъ свидѣтельствуютъ его современники, могъ быть названъ вполнѣ педагогомъ по призванію. Конечно, въ ту пору, при всѣхъ личныхъ научныхъ заслугахъ Тимковскаго, трудно было ожидать особой выдающейся научной постановки руководимой имъ гимназіи и учебное дѣло ея не въ силахъ было подняться выше общаго уровня. Вообще школа наша дореформеннаго времени сильно страдала отъ недостатка одинаково въ учителяхъ и учебникахъ въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи. Обширное поле русской педагогіи еще только изрѣдка, кое-когда, освѣщалось отдѣльными свѣтлыми лучами. Въ общемъ же это было полнѣйшее царство схоластики. Вѣковая рутина сдѣлала передачу знаній въ нашей школѣ мертвой, безжизненной. Само знаніе обыкновенно облекалось въ такія неуклюжія и неудобопонятныя формы, что въ большинствѣ случаевъ заставляло особо усердныхъ учениковъ буквально изнемогать подъ тяжестью своей суровой книжной мудрости. Достоинства гимназіи, руководимой Тимковскимъ, заключались благодаря ему въ ея воспитательномъ строѣ. Тимковскій благосклонно смотрѣлъ какъ на устройство учениками общихъ прогулокъ, такъ и на ихъ общія товарищескія собранія, которыя организовывались молодежью съ цѣлью самообразованія. Разумно допускаемая свобода давала возможность молодежи расширять свой умственный кругозоръ и отражалась не менѣе благотворно и въ нравственномъ отношеніи, о чемъ можно было вполнѣ судить по отзывамъ самого же Ушинскаго. „Случалось мнѣ видѣть и такія заведенія, говоритъ Ушинскій, гдѣ, несмотря на собраніе лучшихъ столичныхъ преподавателей, презрѣніе къ наукѣ было предметомъ хвастовства для воспитанниковъ, и такія, гдѣ 15-лѣтній мальчикъ уже видитъ за учебникомъ исторіи или географіи классъ, чинъ, мѣсто, и разсчитываетъ свое прилежаніе по выгодамъ будущей службы; и такія, гдѣ мальчики, еще плохо читающіе порусски, считаются чинами и породами своихъ родныхъ, и гдѣ одинъ воспитан-

никъ подаетъ другому руку послѣ глубокихъ соображенiй. Когда мнѣ встрѣчаются молодые люди, кончившiе курсъ въ какомъ нибудь учебномъ заведенiи, но у которыхъ не было не только ни одной самостоятельной научной мысли, не только ни малѣйшей любви къ какой нибудь наукѣ, но которые презрительно отзываются о своей учебной жизни, о своихъ профессорахъ и даже вообще объ учености, ученыхъ и наукѣ. . . , тогда я по достоинству оцѣнилъ и наше уваженiе къ одамъ Горацiя, и нашу любовь къ учителю исторiи, и нашу гордость своими маленькими свѣдѣнiями, и почтительный страхъ, который овладѣвалъ нами при словѣ университетъ". Всегда отличавшiйся хорошими способностями, К. Д. тѣмъ не менѣе во все теченiе гимназическаго курса не стоялъ въ числѣ первыхъ учениковъ. Рано развившаяся мечтательность, страстная любовь къ чтенiю и природѣ съ трудомъ могли совмѣщаться у него съ сухостью гимназическаго обученiя того времени. И вотъ, исключительно благодаря лишь природной даровитости ему удалось поступить въ университетъ, минуя полученiе аттестата объ окончанiи гимназiи.

На выпускномъ гимназическомъ экзаменѣ К. Д. потерпѣлъ пораженiе, но, не унывая, онъ рѣшилъ энергично готовиться, и въ томъ же году (въ 1840 г.) успѣлъ выдержать экзаменъ на юридическiй факультетъ въ Москвѣ.

40 г. были однимъ изъ блестящихъ перiодовъ въ жизни московскаго университета. Въ стѣнахъ его тогда гремѣла слава такихъ ученыхъ, какъ Грановскiй, Рѣдкинъ, Чивелевъ и др. Лекцiи этихъ профессоровъ живыя, построенныя на глубоко-философскихъ началахъ, не только привлекали, но буквально обладали способностью увлекать пылкую молодежь.

У К. Д. Ушинскаго особой симпатiей пользовался въ то время пр. Рѣдкинъ, читавшiй энциклопедiю законовѣдѣнiя и государственное право. Идеалистъ, искренно и страстно преданный наукѣ и беззавѣтно ее любившiй, пр. Рѣдкинъ обладалъ именно той особенностью, которая всегда обаятельно дѣйствуетъ на пылкую молодежь: онъ обладалъ истинно юношескимъ воодушевленiемъ и жаромъ и, въ то же время, твердостью и глубиной убѣжденiй.

Основной тезисъ его, въ который онъ твердо вѣрилъ, былъ тотъ, что наука и цивилизацiя только дадутъ мiру свободу и счастье, что онѣ единственный путь для уничтоженiя на землѣ зла. Самъ твердо вѣря, онъ умѣлъ незамѣтно внушать и передавать свою вѣру и слушателямъ. Одушевленныя лекцiи Рѣдкина сильно привлекали своей философской основой, безъ которой этотъ профессоръ не считалъ даже возможнымъ изученiе самого государственнаго права.

Рѣдкинъ — любимый профессоръ К. Д., во многомъ проявилъ на немъ влiянiе своихъ воззрѣнiй. И если впослѣдствiи въ каждомъ зани-

мавшемъ его явленіи Ушинскій всегда стремился прежде всего искать философскую подкладку, въ томъ проявлялась не малая доля вліянія Рѣдкина. Рѣдкину же К. Д. посвятилъ и свое первое капитальное произведеніе „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“.

Быстро промелькнули для Ушинскаго университетскіе годы. Его выдающіяся способности и богатая память заставили въ университетѣ обратить на него общее вниманіе и дали ему полную возможность безъ особаго труда переходить съ курса на курсъ.

Всегда прямой, откровенный, врагъ одинаково какъ всякой пошлости, такъ заискиванія и низкопоклонства, прекрасный товарищъ, Ушинскій съ полнымъ правомъ могъ пользоваться расположеніемъ своихъ друзей.

Его наклонность къ общенію съ людьми, къ тѣснымъ товарищескимъ связямъ, довольно сильно проявлявшаяся въ гимназическій періодъ, въ университетской жизни нашла себѣ тѣмъ болѣе широкое примѣненіе, хотя независимость характера и привычка высказывать всегда прямо и откровенно свои убѣжденія, конечно, приносили ему довольно непріятностей и, какъ на студенческой скамьѣ, такъ и впослѣдствіи въ жизни, пріобрѣтали ему не мало враговъ, но кто хорошо узнавалъ его, тотъ не могъ его не полюбить. Товарищи частенько побаивались его остраго языка, но всегда отдавали ему должную дань уваженія за свѣтлый умъ и отзывчивое сердце, всегдашнюю готовность посильно выручить и помочь товарищу въ бѣдѣ и нравственно, и матеріально.

Не долюбливали Ушинскаго и, въ свою очередь, съ его стороны пользовались нелюбовью студенты выскочки, — франты, которые процвѣтали и процвѣтаютъ въ университетской средѣ во всякое время. Имъ приходилось довольно таки претерпѣвать отъ его чисто малороссійскаго добродушнаго и въ то же время сильно дававшаго себя почувствовать юмора. Тонко подмѣтить, найти смѣшную сторону и тѣмъ поставить человѣка въ комичное положеніе — эта особенность студента Ушинскаго хорошо была знакома его товарищамъ выскочкамъ. Что же касается товарища-бѣдняка, то онъ всегда могъ быть твердо увѣренъ, что Ушинскій весь къ его услугамъ и въ трудную минуту подѣлится съ нимъ послѣднимъ.

Къ этому времени средства отца К. Д. сильно пошатнулись, и К. Д. на личномъ опытѣ пришлось испытать жизнь студента, принужденнаго бѣгать за грошовыми уроками. Хотя Ушинскій не имѣлъ еще и 20 лѣтъ, но онъ успѣлъ уже воспитать въ себѣ твердую волю, привычку относиться ко всему сознательно; онъ выработалъ въ себѣ умѣнье настойчиво и упорно работать тамъ, гдѣ находилъ это необходимымъ. Трудъ не тяготилъ его. Ушинскій пришелъ къ сознанію его неизбѣжности, необходимости, какъ глав-

наго средства независимости. Въ ту пору, несмотря на свою молодость, К. Д. былъ опредѣленной и уже сформировавшейся личностью, съ болѣе или менѣе выработанными взглядами и вкусами. Поклонникъ Пушкина, Гете, Гофмана, Жанъ-Поля Рихтера, онъ увлекался ихъ художественными произведеніями такъ-же, какъ и драматическимъ искусствомъ въ исполненіи Мочалова и Щепкина — корифеевъ московскаго театра того времени.

1844 годомъ для Ушинскаго закончился его университетскій періодъ. Съ этой поры начинается вступленіе К. Д. въ жизнь, гдѣ на его долю пришлось много горечи и испытаній; тѣмъ не менѣе онъ навсегда остался тѣмъ же убѣжденнымъ энтузіастомъ, стойко оставшимся вѣрнымъ тому, чего держался на университетской скамьѣ.

Первымъ дебютомъ на поприщѣ общественной дѣятельности для Ушинскаго явился Ярославскій Демидовскій лицей. Въ это время возникло предположеніе преобразовать Демидовскій лицей въ камеральный факультетъ, и проявилось стремленіе обновить его преподавательскій персоналъ свѣжими силами. И вотъ, въ числѣ наиболѣе талантливыхъ, окончившихъ въ 1844 г. московскій университетъ, былъ приглашенъ сюда и Ушинскій. Ему была предложена каѳедра энциклопедіи законовѣдѣнія, государственнаго и финансоваго права.

Молодой профессоръ со всѣмъ пыломъ своей еще юношеской души отдался живой и новой для него дѣятельности. Свои лекціи Ушинскій старался и умѣлъ излагать живо, ясно и образно. Лекторомъ онъ оказался дѣйствительно хорошимъ и его лекціи вполнѣ достигали своей цѣли. Уже не говоря о томъ, что онѣ нравились и увлекали слушателей, онѣ побуждали ихъ также и серьезно работать. Самъ молодой жрецъ науки показывалъ въ томъ наглядный примѣръ, смотря на свою дѣятельность, какъ на неизбѣжно требующую постояннаго и упорнаго труда.

Но начатая такъ блестяще въ стѣнахъ Демидовскаго лицея ученая карьера Ушинскаго, къ сожалѣнію, не могла такъ же продолжаться. Задуманная реформа лицея не удалась и организація камеральнаго факультета не получила желаннаго развитія.

Насталъ тотъ неблагопріятный поворотъ въ русской общественной жизни, который знаменовалъ собою конецъ 40-хъ и 50 гг. Русская общественная мысль замѣтно приходила все болѣе и болѣе въ застой. Въ русской жизни того времени сильно наблюдалось общее стремленіе подогнать всѣ ея явленія подъ опредѣленную шаблонную мѣрку, предрѣшить и предугадать каждый ея шагъ и обставить его строго размѣренными рамками. Вполнѣ естественно, что общій отголосокъ проникъ и въ Демидовскій лицей. Саму науку стремились одѣть въ мундиръ и вооружить ее вѣсами и аршиномъ. Что же

касается жрецовъ ея, для нихъ вырабатывались строгія предписанія не выходить изъ предусмотрѣннаго высшимъ начальствомъ трафарета. Не говоря уже о низшей и средней школѣ, гдѣ „отъ сихъ и до сихъ“ являлось прежде всего, но и высшая школа, ея профессора должны были представлять на усмотрѣніе начальства не только свои программы въ общемъ, но и въ частности, когда и что намѣрены цитировать и изъ какихъ источниковъ.

Вполнѣ понятно, что предъявленіе такого рода требованій нашло себѣ мало апологетовъ среди молодыхъ ученыхъ Демидовскаго лицея. Напрасны были всѣ усилія Ушинскаго доказать, что ученая дѣятельность несовмѣстима съ формализмомъ, который способенъ только убить живое дѣло, что преподавателю нельзя не сообразоваться прежде всего со своими слушателями, а не съ рамками программы; его же горячая защита свободы науки привела лишь къ тому, что Ушинскій въ числѣ другихъ преподавателей, не сумѣвшихъ избѣжать столкновеній съ начальствомъ, принужденъ былъ оставить лицей.

Въ 1850 г. уже видимъ Ушинскаго въ Петербургѣ, куда онъ переселился съ цѣлью пріискиванія дѣла. Въ это время ему пришлось претерпѣть довольно лишеній. Матерьяльныя средства его сильно истощились, попытки продолжать педагогическую дѣятельность не находили себѣ поощренія со стороны педагогическаго начальства и Ушинскому не удалось въ Петербургѣ занять даже мѣсто учителя уѣзднаго училища, чего К. Д. тогда просилъ, не желая разставаться съ педагогическимъ дѣломъ.

Полный недостатокъ матерьяльныхъ средствъ, заставилъ Ушинскаго ухватиться за первое, самое незначительное мѣсто, какимъ и была должность мелкаго чиновника въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по департаменту иностранныхъ исповѣданій. Въ этотъ періодъ на долю К. Д. пало довольно передрягъ и испытаній въ погонѣ буквально за кускомъ насущнаго хлѣба.

Не говоря уже о томъ, что ничего не имѣвшій общаго съ чиновничествомъ, Ушинскій сильно тяготился своей службой, но и само его мѣсто настолько плохо оплачивалось (400 р. въ годъ), что онъ принужденъ былъ всѣми мѣрами изыскивать посторонній заработокъ. Вскорѣ по переселеніи въ столицу, Ушинскій къ тому же женился, а семейная жизнь постоянно требовала болѣе расходовъ. К. Д. началъ дѣлать тогда первые попытки выступить на литературномъ поприщѣ. Первые шаги Ушинскаго на этомъ поприщѣ были въ „Современникѣ“ и затѣмъ въ „Библіотекѣ для чтенія“. Здѣсь онъ началъ помѣщать сначала компиляціи, переводы, критическія статьи, а затѣмъ уже и оригинальныя.

Вполнѣ естественно, что, какъ каждому новичку, хотя и съ

большими данными, ему пришлось долго и упорно трудиться, чтобы завоевать себѣ должную оцѣнку. Первый, кто указалъ и далъ оцѣнку литературнаго таланта Ушинскаго, былъ И. С. Тургеневъ, которому очень понравилась оригинальная статья К. Д., помѣщенная въ Современникѣ (1852 г.), „Поѣздка на Волховъ", написанная умѣлымъ перомъ и проникнутая присущимъ автору воодушевленіемъ. Но, несмотря на многія свои достоинства, вся литературная работа Ушинскаго этого періода была въ сущности работою литературнаго поденщика. Эта работа на спѣхъ и по заказу грозила ему той судьбой, которая уже успѣла погубить не одну талантливую натуру.

Само по себѣ некрѣпкое здоровье Ушинскаго въ силу испытанныхъ лишеній, жизненныхъ передрягъ и усиленныхъ занятій было уже сильно подорвано. Все, повидимому, слагалось неблагопріятно и только благодаря счастливой случайности, которая выдвинула Ушинскаго на его настоящую дорогу, ему удалось избѣжать печальной участи.

Случайная встрѣча съ бывшимъ директоромъ Демидовскаго лицея, Голохвастовымъ, дала возможность Ушинскому получить мѣсто преподавателя въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ. Голохвастовъ всегда отдавалъ должное Ушинскому, какъ профессору, и потому, когда самъ получилъ мѣсто директора Гатчинскаго института, смѣло могъ рекомендовать графу Ланскому, почетному опекуну института въ то время, хорошо извѣстнаго ему преподавателя. И вотъ, въ 1855 г. Ушинскій занимаетъ сначала мѣсто преподавателя словесности въ институтѣ, а затѣмъ вскорѣ и инспектора классовъ.

Гатчинскій сиротскій институтъ того времени, представляя собою закрытое учебное заведеніе, состоялъ изъ цѣлаго постепеннаго ряда отдѣленій, начиная отъ первоначальнаго обученія до высшихъ классовъ, гдѣ читалось уже законовѣдѣніе. Въ сущности Гатчинскій институтъ имѣлъ для Ушинскаго большое значеніе: онъ послужилъ для него, какъ для педагога, первой настоящей школой. Здѣсь Ушинскій вполнѣ уже понялъ свое настоящее призваніе и съ этихъ поръ рѣшилъ посвятить свою дѣятельность воспитанію.

Помогла немало въ опредѣленіи истиннаго призванія Ушинскаго и довольно обширная библіотека, которую онъ нашелъ въ стѣнахъ института. Еще задолго до появленія въ Гатчинскомъ институтѣ Ушинскаго мѣсто инспектора занималъ нѣкто Гугель, „чудакъ-мечтатель", „человѣкъ не въ своемъ умѣ", какъ характеризовали его современники. Память о немъ уже давно успѣла исчезнуть и только простая случайность заставила Ушинскаго обратить вниманіе на оставленное этимъ безслѣдно исчезнувшимъ въ жизненной пучинѣ неудачникомъ богатое наслѣдство, которое онъ, какъ оказалось, составлялъ и собиралъ съ большой любовью. Это наслѣдство —

2 довольно большихъ шкафа, запечатанные послѣ смерти Гугеля и съ тѣхъ поръ совершенно забытые, заброшенные, покрытые толстымъ слоемъ пыли, наконецъ снова увидѣли свѣтъ и были оцѣнены по достоинству.

„Этимъ двумъ шкафамъ я обязанъ въ жизни очень, очень многимъ", писалъ Ушинскій впослѣдствіи, „и, Боже мой, отъ сколькихъ бы грубыхъ ошибокъ былъ избавленъ я, если бы познакомился съ этими двумя шкафами прежде, чѣмъ вступилъ на педагогическое поприще. Человѣкъ, заведшій эту библіотеку, былъ необыкновенный у насъ человѣкъ. Это едва ли не первый нашъ педагогъ, который взглянулъ серьезно на дѣло воспитанія и увлекался имъ".

Благодаря этой библіотекѣ Ушинскій получилъ возможность основательнаго знакомства и изученія педагогической литературы, начиная съ Базедова и Песталоцци до Дистервега и Карла Шмидта включительно. Въ ту пору Ушинскій и началъ свои первые педагогическо-литературные опыты въ журналѣ „Воспитаніе".

Словомъ, въ Гатчинскомъ институтѣ начался одинъ изъ свѣтлыхъ періодовъ въ жизни Ушинскаго, когда капризная фортуна, заманчиво улыбаясь, поворачивалась къ нему лицомъ.

Въ качествѣ инспектора, въ роли, такъ сказать, педагога-администратора, Ушинскій пріобрѣталъ возможность дать болѣе широкій просторъ своей дѣятельности, примѣняя на практикѣ тѣ вопросы, которые раньше занимали его въ теоріи.

Къ тому же самое вѣяніе времени тогда, хотя еще слабо, но уже начинало требовать большаго вниманія къ педагогическимъ вопросамъ. Въ нашемъ обществѣ уже начинали возникать проблески недовольства и сознанія несовершенства существовавшей педагогической системы, почему и дѣятельность Ушинскаго этого періода могла имѣть до извѣстной степени откликъ.

Въ Гатчинскомъ институтѣ Ушинскій положилъ довольно упорнаго и настойчиваго труда; здѣсь счастье ему продолжало благосклонно улыбаться и дѣятельность его находила себѣ должную оцѣнку. Дѣятельность эта обратила на себя вниманіе министра народнаго просвѣщенія того времени, Норова, и способствовала тому, что, въ качествѣ зарекомендовавшаго себя педагогомъ-администраторомъ, Ушинскій былъ приглашенъ занять мѣсто инспектора Смольнаго института.

Въ виду все болѣе и болѣе возникавшей у насъ потребности расширенія умственнаго кругозора, развитія и образованія женщины, въ ту пору возникло намѣреніе преобразовать это привиллегированное женское учебное заведеніе.

Смольный институтъ или, иначе, Смольный монастырь представлялъ собою обширное закрытое учебное заведеніе не менѣе

какъ на 700 воспитанницъ. Названіе монастыря онъ могъ сохранить за собою съ полнымъ правомъ, такъ какъ время ученія здѣсь было временемъ буквальнаго заточенія. Двери заведенія были строго замкнуты для воспитанницъ во все теченіе 9 л. курса, совершенно изолируя ихъ не только отъ міра, но даже отъ семьи. Ни на каникулы, ни на большіе праздники дѣти домой не отпускались.

Заведеніе это имѣло своеобразную особенность, дѣлясь на двѣ части: благородную и неблагородную, гдѣ программа преподаванія была неодинакова. Затѣмъ для неуспѣвающихъ здѣсь существовали также такъ называемыя параллельныя отдѣленія, которыя при существовавшей постановкѣ учебнаго дѣла совершенно не оправдывали своего назначенія.

Преподаваніе того времени, въ общемъ отличавшееся крайней рутинностью и схоластичностью, естественно, давало въ результатѣ очень немного, принимая во вниманіе особенно количество затраченнаго воспитанницами времени. Если воспитанница Смольнаго, послѣ 9 л. пребыванія въ его стѣнахъ, выходила отсюда съ далеко необременительнымъ научнымъ багажемъ, явленіе это не могло быть удивительнымъ; тѣмъ не менѣе, при всемъ своемъ несовершенствѣ, Смольный институтъ той поры считался всетаки однимъ изъ лучшихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Онъ до извѣстной степени выполнялъ возложенныя на него требованія современнаго общества.

Въ ту пору, когда образованіе русской женщины стояло вообще далеко не на высокомъ уровнѣ, на женщину было принято смотрѣть, какъ на существо слабое, хрупкое, эфирное. Въ то же время въ этомъ находили ея главную прелесть, ея такъ называемую „женственность". На женщину возлагалось тогда общее требованіе быть олицетвореніемъ всего изящнаго и потому ея сферой полагалось болѣе опоэтизированное искусство, чѣмъ матеріалистичная и потому казавшаяся болѣе грубой наука. Согласно взглядамъ времени, наука для женщины, да еще въ избыткѣ, мало того, что казалась безполезной, но прямо даже вредной.

Пока русская женщина безвыходно сидѣла въ теремѣ, жизнь ея однообразная, монотонная, не выходила изъ будничной домашней рутины. Женщина подчинялась спеціально выработанному для нея узкому кодексу морали и права. Атмосфера, въ которой она воспитывалась, была слишкомъ душной и спертой, не было простора для свободнаго индивидуальнаго развитія, не было стимуловъ для самостоятельности. Невѣжественная, часто неграмотная, русская женщина, лишь какъ исключеніе, могла выдвигать изъ своей среды единичныя явленія. Но вотъ настало время, когда двери терема открылись и женщина получила возможность войти въ общество. Для этого, конечно, прежде всего явилось обязательнымъ умѣнье вести себя въ

обществѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно расширялся умственный кругозоръ ея и являлась необходимость въ образованіи. У насъ начали постепенно возникать женскія учебныя заведенія. Но, если и въ далеко шедшей впереди насъ Западной Европѣ постановка и организація женскаго образованія имѣла такъ много слабыхъ сторонъ и дефектовъ, чего же можно было ждать отъ насъ, въ этомъ отношеніи стремившихся подражать Западу? Женщина считалась образованной, если она получала возможность болѣе или менѣе свободно и непринужденно болтать въ обществѣ обо всемъ, не попадая при этомъ въ смѣшное положеніе, быть знакомой съ изящными искусствами. Что же касается серьезнаго умственно-нравственнаго образованія и развитія женщинъ вообще, это долго казалось лишнимъ. Вполнѣ естественно. что при такого рода данныхъ наши привиллегированныя женскія учебныя заведенія, институты „благородныхъ дѣвицъ", главные разсадники средняго образованія женщинъ, преслѣдуя современный идеалъ „свѣтской женщины", сводили все свое обученіе исключительно къ внѣшней дрессировкѣ. „Благородныя дѣвицы", предназначенныя для блистанія въ гостиныхъ, должны были умѣть болтать на иностранныхъ языкахъ, особенно на французскомъ діалектѣ, граціозно танцовать, производить эфектъ салонной музыкой, знать изящныя рукодѣлья. Какова въ сущности была подготовка для жизни большинства нашихъ, считавшихся образованными, женщинъ, характерно было выражено еще современникомъ Екатерины II Новиковымъ, который по этому поводу иронически замѣтилъ: „умѣть нравиться — въ этомъ всѣ наши заключаются науки". На развитіе этой стороны и направлялись всѣ усилія. Что же касается настоящей науки, то она далеко не была въ фаворѣ, и какъ предметъ неизящный, допускалась для женщинъ въ аптекарскомъ размѣрѣ, дабы не лишить ихъ „женственности". Понятно, если наука отодвигалась на второй планъ въ привиллегированныхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, то чего же въ этомъ отношеніи можно было ожидать отъ существовавшихъ въ то время женскихъ пансіоновъ, духовныхъ училищъ и т. п., здѣсь ужъ вполнѣ учили „чему нибудь и какъ нибудь".

Такого рода образованіе женщинъ царило у насъ довольно долгое время, пока не насталъ для насъ знаменательный конецъ 50 г., заставившій наше общество сильно встряхнуться. Несчастная для насъ Севастопольская кампанія обнаружила вдругъ многіе наши государственные и общественные недуги, которыхъ до тѣхъ поръ не замѣчали.

Севастопольскій погромъ былъ тѣмъ ударомъ, который сразу заставилъ проснуться наше сладко дремавшее сознаніе. Онъ горько разочаровалъ наше общество въ самомъ себѣ и указалъ ему неожи-

данно на полную отсталость передъ Европой. Эта сильная встряска заставила насъ проснуться и болѣе здравыми глазами взглянуть вокругъ себя, что и вызвало неизбѣжную реакцію, которая внесла въ жизнь бодрость, оживленіе и дѣятельность, надолго оставившія по себѣ глубокіе слѣды.

Вполнѣ понятно, что въ тѣсной связи съ обновляемой жизнью народа, долженъ былъ получить также новыя основы съ своей стороны и вопросъ о нашемъ просвѣщеніи той поры. Въ тѣсной зависимости отъ общаго преобразованія явилось коренное и фундаментальное преобразованіе въ этой области. Чтобы не оставаться прежней безпорядочной толпой, массой, а стать передъ лицомъ Европы обществомъ сильнымъ нравственной силой, для насъ явилась неизбѣжной реорганизація просвѣтительнаго дѣла, и педагогическій вопросъ, естественно, выдвинулся на первый планъ, сразу ярко выдѣлились многіе дефекты нашей семьи и школы. Сообразно вѣянію времени самый взглядъ нашъ на женщину и ея назначеніе начиналъ получать существенное и коренное измѣненіе. Горькій опытъ жизни долженъ былъ убѣдить, что назначеніе женщины не свѣтская гостиная, а въ большинствѣ случаевъ скромная семья, гдѣ женщина должна явиться разумной руководительницей и воспитательницей. Эта роль женщины въ семьѣ требовала съ ея стороны проявленія извѣстной доли самостоятельности, а система современнаго женскаго воспитанія и образованія, особенно институтскаго, сама обрекала ее на нравственное и физическое порабощеніе. И вотъ, съ началомъ у насъ великихъ реформъ, когда все старое признавалось черезчуръ обветшалымъ, явилось стремленіе иной постановки и женскаго образованія.

Въ качествѣ горячаго сторонника систематическаго воспитанія и образованія женщины, какъ активнаго члена не только семьи, но и общества, Ушинскій всей душой отдался своему дѣлу въ стѣнахъ Смольнаго института. Въ теченіе трехъ лѣтъ своей здѣсь дѣятельности (съ 1859 г.) онъ успѣлъ сдѣлать довольно преобразованій и заставилъ Смольный зажить новой жизнью. Прежде всего Ушинскій постарался прежній 9-лѣтній курсъ его сократить въ 7-лѣтній и уравнять программу преподаванія въ обоихъ отдѣленіяхъ. Такимъ образомъ получалось уравненіе правъ „благородныхъ" и „неблагородныхъ" и менѣе страдало дѣтское самолюбіе.

При существовавшемъ въ Смольномъ характерѣ преподаванія Ушинскій видѣлъ ясно, что дѣти не получаютъ здѣсь надлежащаго развитія. Преподаваніе формальное, ведшееся отрывочно, естественно, не могло возбуждать интереса къ себѣ у дѣтей и не было въ силахъ имѣть хорошіе результаты. Всѣ усилія Ушинскаго направлялись потому на то, чтобы придать преподаванію возможно болѣе

систематическій характеръ. Съ этою цѣлью онъ старался сгруппировать вокругъ себя болѣе или менѣе выдающихся преподавателей Смольнаго, и, обмѣниваясь съ ними постоянно наблюденіями, — дружно съ ними работалъ.

Со времени Ушинскаго въ Смольномъ введено было наглядное обученіе въ младшихъ классахъ. Пренебрегаемому дотолѣ родному языку дано было видное мѣсто. Ушинскій стремился даже положить его въ основу образованія и сдѣлать тѣмъ живымъ предметомъ, который бы способствовалъ разностороннему развитію учащихся.

Выдвинувъ на видное мѣсто преподаваніе родного языка въ Смольномъ, Ушинскій не оставилъ безъ вниманія и другіе предметы. Не менѣе родного языка плохую постановку имѣла, какъ въ Смольномъ, такъ и въ другихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и математика, считавшаяся почему то недоступной женскому уму. Математика была лишь терпима, къ тому же она считалась предметомъ черезчуръ сухимъ и скучнымъ. Совершенно иного мнѣнія на этотъ счетъ былъ Ушинскій. Въ его глазахъ математика, не говоря уже о ея практическомъ примѣненіи, предметъ очень важный, какъ развивающій и укрѣпляющій логическое мышленіе. Придавая ей такое значеніе, Ушинскій со своей стороны стремился указать болѣе правильный путь ея преподаванія. Онъ находилъ, что „ариѳметикѣ слѣдуетъ учить такъ, чтобы ее нельзя было забыть: въ противномъ случаѣ она безполезна, потому что хозяйственные счеты ведутъ очень хорошо и тѣ, кто не учился ариѳметикѣ". Согласно своей теоріи, Ушинскій считалъ прежде всего необходимымъ давать дѣтямъ наглядное понятіе объ измѣреніяхъ, пройти именнованныя числа, а уже затѣмъ переходить къ числамъ отвлеченнымъ. Самую причину неуспѣшности и даже скуку при изученіи дѣтьми ариѳметики онъ объяснялъ отвлеченностью изложенія ея правилъ. Если же въ ариѳметикѣ, дитя перейдетъ отъ нагляднаго къ отвлеченному и отъ практики къ теоріи, то нѣтъ сомнѣнія, что эта теорія будетъ усвоена имъ навсегда и безъ скуки". Но, признавая развивающее вліяніе математики, Ушинскій тѣмъ не менѣе далеко не былъ сторонникомъ ея преобладанія. Онъ находилъ, что „исключительное занятіе математикой кладетъ иногда на человѣка особенно вредный въ жизни отпечатокъ, сообщаетъ его мыслямъ математическую прямолинейность, дѣлаетъ его взгляды на жизнь односторонними, придаетъ имъ какую то особенную сухость и безжизненность.

Кромѣ того по инициативѣ Ушинскаго въ Смольномъ впервые положено было начало педагогическому классу, имѣвшему 2 курса: 1 — теоретическій и 2 — практическій, гдѣ преподаваніе велось самими ученицами подъ руководствомъ педагога.

Стараясь устранить недостатки заведенія въ его учебной постановкѣ, Ушинскій не упускалъ изъ виду и его воспитательную часть. Противникъ институтской замкнутости и обособленности, этого перваго разсадника всѣхъ превратныхъ и фантастическихъ толкованій дѣйствительной жизни, Ушинскій горячо ратовалъ за отпуски институтокъ домой на большіе праздники, каникулы, чтобы такимъ образомъ избѣгнуть вреднаго отчужденія ихъ отъ семьи и общества. Но, несмотря на всѣ свои старанія, онъ этого не достигъ во время своего пребыванія въ Смольномъ. Тѣмъ не менѣе Ушинскій былъ первымъ иниціаторомъ отпуска институтокъ въ семью, ему онѣ этимъ прежде всѣхъ обязаны.

Что энергія Ушинскаго внесла жизнь въ прежній рутинный Смольный, это было безспорно и потому нисколько не удивительно, что объ этомъ институтѣ заговорили въ ту пору въ обществѣ, въ печати. Смольный сталъ предметомъ общаго вниманія. Ушинскій достигъ того, что этимъ учебнымъ заведеніемъ заинтересовались родители, наконецъ, чего болѣе всего добивался онъ, дѣти перестали тяготиться ученьемъ, перестали считать его „противнымъ". Ушинскій вполнѣ по праву могъ принять ту признательность, которую выражали ему въ то время многіе изъ родителей.

Реформа Смольнаго получила свое отраженіе и въ другихъ институтахъ имперіи, куда также проникли эти нововведенія. Преобразованіе Смольнаго было въ то же время и преобразованіемъ всей системы нашего женскаго средняго образованія.

Благодаря той жизни, которую Ушинскій успѣлъ ввести въ современное педагогическое дѣло, имя его получило вполнѣ заслуженную популярность, о размѣрахъ которой можно было судить уже по одному тому, что Ушинскому предложено было высказать письменно свое мнѣніе относительно воспитанія наслѣдника престола и затѣмъ редактированіе журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Занимавшій въ ту пору постъ министра народнаго просвѣщенія А. В. Головинъ находилъ необходимыми преобразованія въ средней и низшей школѣ, и съ этою цѣлью имѣлъ намѣреніе сдѣлать подвѣдомственный ему Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія органомъ обсужденія различнаго рода педагогическихъ вопросовъ и въ то же время органомъ ихъ распространенія. Пригласивъ въ качествѣ редактора реформируемаго журнала Ушинскаго, онъ не ошибся въ выборѣ.

Со свойственнымъ увлеченіемъ Ушинскій занялся этимъ дѣломъ. Дѣятельно работая въ журналѣ съ 1860 г. до ноября 1861 г., Ушинскій успѣлъ помѣстить въ немъ цѣлый рядъ своихъ статей, возбудившихъ цѣлый рядъ толковъ.

Ушинскій обладалъ рѣдкой способностью писать о самыхъ серьезныхъ вопросахъ такъ общедоступно и увлекательно, умѣлъ облекать ихъ въ такую живую, интересную и образную форму, что его сочиненія являлись понятными каждому. Возьмите любое изъ его произведеній и вы увидите, какимъ чистымъ литературнымъ языкомъ они всѣ написаны. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія безспорно привлекъ въ то время къ себѣ общее вниманіе нашей читающей публики. Этотъ еще такъ недавно сухой оффиціальный сборникъ правительственныхъ распоряженій и мало кого интересовавшихъ чисто спеціальныхъ статей вдругъ превратился въ живой педагогическій органъ, чутко откликавшійся на всѣ вопросы и событія по дѣлу современнаго просвѣщенія.

Нельзя сказать чтобы современная критика отнеслась съ полнымъ безпристрастіемъ къ Ушинскому. Въ большинствѣ она или не поняла, или не оцѣнила его идей. Часть ея ехидно осмѣивала Ушинскаго за его, по ея мнѣнію, квасной патріотизмъ и лицемѣрную религіозность, другая же съ неменьшей яростью стремилась нападать на проявленіе съ его стороны крайняго реализма. При этомъ не трудно было замѣтить, что нападки не столько были направлены противъ убѣжденій автора, сколько въ большинствѣ противъ самой его личности. Горькій опытъ долженъ былъ убѣдить неисправимаго идеалиста, что мы еще далеки отъ того, чтобы уважать личность человѣка, чьи убѣжденія мы не раздѣляемъ.

Завѣдываніе Ушинскаго журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія закончилось съ вступленіемъ на постъ министра народнаго просвѣщенія графа Н. П. Путятина, который возымѣлъ намѣреніе измѣнить программу журнала. Онъ предполагалъ превратить этотъ журналъ въ періодическое изданіе вродѣ французскаго Journal des Savants, нѣчто подобное пантеону наукъ. Ушинскій счелъ для себя непосильнымъ редакторство такимъ органомъ и остался въ немъ только сотрудникомъ. Въ это же время Ушинскій заканчивалъ одинъ изъ своихъ капитальныхъ трудовъ „Дѣтскій Міръ". Въ 1862 г. мы уже видимъ Ушинскаго въ числѣ учредителей перваго русскаго педагогическаго общества, гдѣ онъ энергично работаетъ, своимъ воодушевленіемъ привлекая туда стариковъ и молодежь, женщинъ и мужчинъ.

Но, къ сожалѣнію, его дѣятельность здѣсь была очень непродолжительна. Усиленный трудъ, главнымъ образомъ, жизненныя передряги замѣтно подорвали его силы и ощутительно расшатали здоровье. Пріобрѣтенная популярность черезчуръ дорого стоила Ушинскому самому лично.

Безспорно, Ушинскій имѣлъ, въ числѣ его знавшихъ, довольно людей, оцѣнивавшихъ по заслугамъ его достоинства, понимавшихъ

его и безусловно ему сочувствовавшихъ, тѣмъ не менѣе, съ одной стороны, непреодолимое тяготѣніе къ отжившей рутинѣ, съ другой — просто личная непріязнь и людская зависть заставляли Ушинскаго съ большими личными усиліями итти напроломъ и нерѣдко буквально съ боя завоевывать каждый свой шагъ. Къ тому же для него, какъ для человѣка не обладавшаго дипломатическимъ тактомъ и никогда не умѣвшаго итти на компромиссы, всѣ труды и преобразованія стоили черезчуръ дорого. Настойчиво добиваясь намѣченныхъ цѣлей, Ушинскій не зналъ, да и не искалъ никогда окольныхъ путей. Отъ разъ выработанныхъ убѣжденій онъ не отступалъ уже ни на шагъ, причемъ часто, совершенно не желая, задѣвалъ чужое самолюбіе, чему также не мало помогала и его нервозность, положительно доходившая до болѣзненной раздражительности. Потому у Ушинскаго на ряду съ сильными друзьями всегда бывали и опасные враги. Въ то время какъ друзья шли съ готовностью на помощь его разумнымъ начинаніямъ, враги писали на него доносы, обвиняя этого самоотверженнаго человѣка во многихъ крайне неблаговидныхъ поступкахъ. Такого рода тактика враговъ и заставила Ушинскаго покинуть Смольный.

По оставленіи Смольнаго, благодаря императрицѣ Маріи Александровнѣ, которая лично знала и цѣнила Ушинскаго, К. Д. былъ причисленъ къ 4 отдѣленію собственной канцеляріи Его Величества съ сохраненіемъ прежняго жалованья и вскорѣ былъ командированъ за границу для ознакомленія съ постановкой тамъ педагогическаго дѣла въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

И вотъ, до 1867 г. Ушинскій живетъ за границей, только временами появляясь на родину. Поселившись съ семьей за границей, онъ бо́льшую часть своей командировки провелъ въ Швейцаріи и Германіи, гдѣ занялся изученіемъ школьной организаціи вообще. Тамъ Ушинскій успѣлъ ознакомиться съ устройствомъ народныхъ школъ и учительскихъ семинарій. Сознавая настоятельную необходимость подобнаго рода школъ и для Россіи, онъ старался въ этомъ направленіи возбудить вниманіе своихъ соотечественниковъ. Къ тому же настала знаменательная пора, наши 60 гг., когда освободительныя реформы давали возможность съ надеждой смотрѣть на свѣтлое будущее. „Теперь именно настаетъ пора, писалъ Ушинскій изъ за-границы, когда Россіи всего болѣе нужны школы, хорошо устроенныя, и учителя, хорошо подготовленные, — много, много школъ нужно. Иначе свобода крестьянъ и открытое судопроизводство не принесутъ всей той пользы, которую могли бы принести эти истинно великіе шаги впередъ. Школу, народную школу дайте Россіи и тогда, лѣтъ черезъ тридцать, станетъ она на прямую дорогу. Васъ ждетъ, господа, лучшее время, чѣмъ то, въ которое мы бились, какъ рыба

объ ледъ. Готовьтесь же съ любовью, съ увлеченіемъ къ тому великому поприщу, которое васъ ожидаетъ".

Голосъ Ушинскаго „изъ прекраснаго далека" и его призывы въ ту пору скорѣе, чѣмъ когда либо, могли найти себѣ отклики. У насъ насталъ въ то время какъ разъ періодъ страдной поры. Наши 60 годы, безспорно, были преисполнены добрыхъ и гуманныхъ намѣреній и безкорыстнаго стремленія къ общему благу, тѣмъ не менѣе ихъ главный недостатокъ коренился въ совершенномъ отсутствіи объединенности направленія, что̀ и сказывалось во всемъ вообще и въ педагогическомъ дѣлѣ въ частности. Въ ту пору, когда вся наша жизненная обстановка подвергалась существеннымъ, кореннымъ измѣненіямъ, когда на смѣну шатающимся вѣрованіямъ появлялись новыя, въ области педагогическаго дѣла не было еще намѣчено опредѣленныхъ педагогическихъ цѣлей и задачъ, потому и сама работа велась или отдѣльными группами, или же отдѣльными лицами. Каждый по своему преслѣдовалъ свои стремленія, углублялся, погружался въ нихъ. Одинъ разсчитывалъ поэтому найти помощь и научиться педагогикѣ у своихъ западныхъ, болѣе компетентныхъ въ этой области сосѣдей, другой пытался уврачевать свои недуги домашними средствами. Появлялись изданія педагогическихъ журналовъ и сочиненій, составлялись учебники, устраивались различныя школы, возникали педагогическіе съѣзды, шли дѣятельныя хлопоты объ устройствѣ педагогическихъ кружковъ, объ общемъ или частномъ обсужденіи педагогическихъ вопросовъ и, несмотря на все это, чего-то не хватало. Необходимъ былъ объединяющій элементъ, который связалъ бы въ одно общее цѣлое, соединилъ бы въ общій потокъ всѣ эти ручейки педагогическаго теченія. Необходимо было выяснить вполнѣ отношеніе педагогическаго дѣла къ потребностямъ времени и дать ему болѣе правильную научную основу.

Исторія постоянно указываетъ намъ на то, что во всѣ времена каждаго жизненнаго пробужденія, въ связи съ развитіемъ и пробужденіемъ народнаго самосознанія, человѣчество всегда выдвигаетъ изъ своей среды сторонниковъ и воодушевленныхъ проповѣдниковъ какой либо опредѣленной идеи. Великія же реформы всегда порождали самихъ этихъ великихъ поборниковъ, которые вводили ихъ въ жизнь. Такимъ великимъ поборникомъ своей идеи въ области педагогіи эпохи преобразованія былъ К. Д. Ушинскій. Какъ человѣкъ, убѣжденный въ правотѣ своихъ воззрѣній, онъ, въ числѣ немногихъ, выступилъ на свою дорогу, горячо и смѣло доказывая и отстаивая свои положенія.

Хорошо ознакомившись и изучивъ педагогическое дѣло на западѣ, Ушинскій дѣятельно стремился вводить новыя педагогическія

начала на родинѣ при необходимомъ условіи ихъ тѣснаго сближенія съ нашими чисто мѣстными народными требованіями. Въ этомъ главнымъ образомъ и былъ секретъ его послѣдующаго значенія.

Плодомъ заграничной поѣздки оказались два капитальныхъ труда Ушинскаго, — его „Родное Слово", до сихъ поръ внѣ конкуренціи наша настольная книга при первоначальномъ обученіи, и „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія", опытъ педагогической антропологіи, произведеніе, обладающее всѣми необходимыми свойствами, чтобы привлечь своимъ содержаніемъ вниманіе каждаго интеллигентнаго читателя вообще и педагога въ частности. Для человѣка, посвятившаго себя учебно-воспитательному дѣлу, не слѣдуетъ прежде всего забывать тѣхъ великихъ началъ, которыя такъ талантливо высказаны нашимъ первымъ „учителемъ учителей" на страницахъ его продуманнаго и прочувствованнаго труда.

По возвращеніи изъ за-границы бóльшую часть времени Ушинскій провелъ въ Петербургѣ (до 1870 г.), дѣятельно продолжая работать въ принятомъ направленіи. Онъ пишетъ различнаго рода статьи по педагогическимъ вопросамъ, посѣщаетъ педагогическія собранія и диспуты.

Въ его статьяхъ находили себѣ откликъ всѣ наиболѣе назрѣвшіе вопросы современной школы, здѣсь находили себѣ мѣсто и ихъ рѣшенія. Ушинскій касался вопросовъ о національномъ образованіи, о народной школѣ и о нравственномъ значеніи воспитанія. Дѣятельность только что возникавшаго въ Россіи земства была очень симпатична Ушинскому. Онъ съ интересомъ началъ слѣди́ть за ней и горячо привѣтствовалъ ея успѣхи по народному образованію. Ушинскій съ свѣтлой надеждой смотрѣлъ на наше будущее.

Благодаря своимъ капитальнымъ произведеніямъ, онъ получилъ, наконецъ, возможность быть вполнѣ матеріально обезпеченнымъ. Семейныя его условія сложились также хорошо, и, повидимому, настало вполнѣ заслуженное время тихой, счастливой пристани для этого самоотверженнаго борца за благо своего народа. Но судьба никогда не была справедливой въ отношеніи его, она только временами и то не надолго привѣтливо ему улыбалась, а въ большинствѣ случаевъ жестоко и капризно отворачивалась, поражая неожиданностями. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Едва Ушинскій получилъ возможность свободно вздохнуть полной грудью, едва получилъ было надежду на благопріятный исходъ своихъ недуговъ, слѣпой случай сразу безжалостно разбилъ и уничтожилъ все. Проведя весну 1870 г. для укрѣпленія своего здоровья въ Крыму, окрѣпшій, счастливый общимъ вниманіемъ, онъ уже началъ мечтать сдѣлать многое. Онъ собирался произвести поправки и нѣкоторыя измѣненія въ своемъ „Родномъ Словѣ", чтобы лучше приспособить

его къ примѣненію въ народной школѣ. Но своихъ желаній ему не удалось осуществить. Возвратившись въ родное имѣніе Богданку, гдѣ проживала его семья, Ушинскій попалъ какъ разъ на похороны своего любимца, старшаго сына, случайно застрѣлившагося на охотѣ. Этотъ очень способный, подававшій большія надежды юноша только что кончилъ курсъ 2 петербургской гимназіи. Внезапная смерть его страшно поразила отца. И какъ ни старался Ушинскій стойко выдержать этотъ ударъ судьбы, надломленныя и расшатанныя силы его на этотъ разъ не выдержали и сломились окончательно. Въ концѣ того же 1870 г., 21 декабря, Ушинскаго не стало. Онъ умеръ сравнительно не старымъ (на 47 году жизни).

II.

Основныя руководящія идеи Ушинскаго рельефно выступаютъ во всѣхъ его произведеніяхъ. Литература и наука въ лицѣ своихъ компетентныхъ представителей уже сказали свое авторитетное слово относительно достоинствъ этихъ идей.

Въ основу идей Ушинскаго легли настоящія живительныя начала науки и просвѣщенія.

Въ основу педагогическихъ воззрѣній Ушинскаго легло требованіе, чтобы воспитательно-образовательное дѣло жило, развивалось и дѣйствовало за одно съ обществомъ и его насущными требованіями и запросами. Ушинскій чутко прислушивался къ голосу жизни, потому его идеи и пріобрѣли общественно-историческое значеніе. Что же касается того, насколько Ушинскій смотрѣлъ впередъ, и насколько идеи, которыхъ онъ былъ пророкомъ, опередили свое время, достаточно ясно говоритъ то, что до сихъ поръ многія изъ нихъ составляютъ злобу дня, которую еще только намѣревается осуществить современная намъ дѣйствительность.

Ушинскій первый указалъ намъ путь для созданія твердой системы какъ нашего національнаго образованія, такъ и самой нашей педагогики. Его съ полнымъ правомъ можно считать основателемъ нашей научной педагогики. Онъ далъ нашей педагогикѣ сравнительно болѣе твердую постановку, которой до тѣхъ поръ она не имѣла. Для достиженія этой цѣли Ушинскій обладалъ широкими данными. У него было основательное знаніе философскихъ и естественныхъ наукъ, личное знакомство со многими выдающимися ихъ представителями, затѣмъ и само непосредственное наблюденіе политической и соціальной жизни наиболѣе развитыхъ и цивилизованныхъ націй, а также не менѣе основательное знакомство и съ педагогикой всѣхъ культурныхъ народовъ.

Глубоко философскій умъ давалъ Ушинскому полную возмож-

ность строго критическаго отношенія ко всѣмъ существовавшимъ въ его время педагогическимъ системамъ. „Системы общественнаго воспитанія“, говоритъ Ушинскій, „у всѣхъ европейскихъ народовъ представляютъ при первомъ взглядѣ на нихъ большое сходство не только въ предметахъ ученія, которые вездѣ одни и тѣ же, но даже въ самой организаціи учебныхъ заведеній, дидактическихъ пріемахъ и законахъ школьной дисциплины. Это сходство прежде всего, конечно, зависитъ отъ той разумности воспитательныхъ мѣръ, которая опредѣляется болѣе или менѣе общей для всѣхъ народовъ цѣлью воспитанія и единствомъ психологическихъ законовъ, вездѣ служащихъ основой для всякой воспитательной дѣятельности“. „Но это чисто внѣшнее сходство недолго можетъ вводить въ заблужденіе внимательнаго наблюдателя, и онъ скоро убѣдится, что въ каждой странѣ подъ общимъ названіемъ общественнаго воспитанія и множества общихъ педагогическихъ формъ кроется свое особенное характеристическое понятіе, созданное характеромъ и исторіей народа“.

Дѣлая общій выводъ, Ушинскій приходитъ къ тому заключенію, что всѣ воспитательныя системы, при общности ихъ формъ и единствѣ учебныхъ предметовъ, все же оказываются различными. Эта рознь вытекаетъ изъ самой идеи воспитанія у каждаго народа. „Нѣмецъ, англичанинъ, французъ, американецъ требуютъ отъ воспитанія не одного и того же, и подъ именемъ воспитанія заключаются у каждаго народа различныя понятія. Различіе это, не выражаясь опредѣленно, тѣмъ не менѣе проглядываетъ во множествѣ особенностей, иногда мелкихъ, но характеристическихъ, показывающихъ направленіе общественнаго воспитанія у каждаго народа и ту не высказываемую цѣль, къ которой оно стремится, и которая опредѣлила самыя его формы“.

Въ школахъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, хотя и преподается одна и та же математика, одна и та же исторія, греческая или латинская грамматика, тѣмъ не менѣе „всякій народъ“, говоритъ Ушинскій, „ищетъ и находитъ въ этихъ всемірныхъ учителяхъ особенную пищу, сообразную его національности. Несмотря на сходство педагогическихъ формъ всѣхъ европейскихъ народовъ, у каждаго изъ нихъ своя особенная національная система воспитанія, своя особая цѣль и свои особыя средства къ достиженію этой цѣли“. Такимъ образомъ, каждая изъ существующихъ педагогическихъ системъ прежде всего является отраженіемъ духа ея націи. Эта мысль была излюбленной мыслью Ушинскаго. Какъ человѣкъ, обладавшій глубокимъ философскимъ образованіемъ, онъ мало того, что всегда умѣлъ ее ярко освѣтить, но также и доказать. Свой взглядъ онъ основывалъ на извѣстномъ философско-историческомъ ученіи, по которому каждый народъ, а тѣмъ болѣе получившій уже историческую извѣстность и значеніе, въ той же мѣрѣ обладаетъ свойственной

ему ясно выраженной народностью, какъ и каждый вполнѣ сложившійся человѣкъ своеобразной индивидуальностью.

Въ народности Ушинскій видѣлъ главную базу, единственное и незамѣнимое жизненное начало, имѣющее въ самомъ широкомъ смыслѣ слова значеніе въ дѣлѣ развитія. „Народность является единственнымъ источникомъ жизни народа въ исторіи,“ замѣчаетъ онъ. Только въ силу особенностей своей идеи, вносимой въ исторію, народъ и является исторической личностью. Каждому народу суждено играть въ исторіи свою особую роль, и, если онъ забылъ эту роль, то долженъ удалиться со сцены: онъ болѣе не нуженъ. Народъ безъ народности — тѣло безъ души, которому только и остается подвергнуться закону разложенія и уничтожиться въ другихъ тѣлахъ, сохранившихъ свою самостоятельность“. Все пестрое разнообразіе народностей имѣетъ въ лицѣ христіанства и науки тѣ связывающіе и объединяющіе элементы, которые сообщаютъ единство всему человѣчеству. Оба эти великіе элемента одинаково ведутъ человѣчество къ конечному совершенству и общему счастью; значеніе ихъ — общечеловѣческое. Подобно же тому, какъ каждый народъ необходимо выигрываетъ отъ гармоническаго сочетанія дарованій и талантовъ отдѣльныхъ личностей, такъ способно повыситься и само человѣчество отъ общаго въ него взноса особенно исторически извѣстныхъ уже націй.

Такъ какъ „всякая живая историческая народность есть самое высокое и самое прекрасное созданіе Божіе на землѣ“, то „воспитанію остается только черпать изъ этого богатаго и чистаго источника“. На этомъ основаніи, по мнѣнію Ушинскаго, въ народности заключается главная и существенная сторона воспитанія. Гдѣ эта сторона будетъ отсутствовать, тамъ воспитаніе не только не можетъ считаться полнымъ, но можетъ даже оказаться извращеннымъ. Такимъ образомъ, основы, цѣль и направленіе воспитанія у каждаго народа должны быть необходимо самобытны, почему оказывается и полная невозможность общей системы воспитанія для всѣхъ націй.

Возможно, что педагогическая система какого либо изъ культурныхъ народовъ получитъ разностороннюю разработку, будетъ хорошо обдумана, но, какъ бы заманчива она ни была сама по себѣ, перенесенная на чуждую почву, она утратитъ свое настоящее значеніе. Такого рода явленіе можно наблюдать, когда какая либо воспитательная система одного народа цѣликомъ, во всей своей полнотѣ, пересаживается въ страну чужую. При всѣхъ своихъ данныхъ эта система никогда не оправдаетъ возложенныхъ на нее надеждъ и упованій и даже вмѣсто ожидаемой пользы способна будетъ принести вредъ. Дѣйствительно, у насъ, въ Россіи, болѣе чѣмъ гдѣ либо, полезно было напомнить о вредѣ слѣпого подражанія чужимъ образцамъ.

Успѣвши основательно ознакомиться и изучить господствовавшія системы воспитанія за границей, Ушинскій, при доказательствѣ своей идеи о необходимости націонализма въ воспитаніи, дѣлаетъ характеристику всѣхъ системъ воспитанія — нѣмецкой, французской, англійской и американской.

По словамъ Ушинскаго, нѣмцы болѣе другихъ народовъ претендуютъ на компетентность въ воспитаніи и вообще въ педагогическомъ дѣлѣ. „Но несмотря на твердое убѣжденіе большинства нѣмецкихъ педагоговъ, что они работаютъ надъ воспитаніемъ человѣка вообще, къ какому бы народу онъ ни принадлежалъ, нѣмецкая педагогика — наука чисто нѣмецкая". Говоря объ этой педагогикѣ, Ушинскій дѣлаетъ очень тонкую и мѣткую обрисовку обще-нѣмецкаго характера. По самой своей натурѣ, нѣмецъ прежде всего философъ. „Прежде всего видитъ онъ въ каждомъ предметѣ его философскую сторону и всякое дѣло свое начинаетъ и заканчиваетъ философскою мыслью", замѣчаетъ Ушинскій. „Если у него нѣтъ истинной философіи, то онъ выскажетъ самую избитую мысль, годную только для прописи, но ни за что не пропуститъ случая пофилософствовать".

Затѣмъ, какъ на не менѣе характерную нѣмецкую особенность, Ушинскій указываетъ на стремленіе во всѣхъ явленіяхъ жизни искать гармоніи и связи, „все возводить въ отвлеченную идею и отовсюду ее извлекать." „Нѣмецъ не считаетъ для себя достаточнымъ понимать какую либо вещь, ему непремѣнно нужно опредѣлить ее и дать ей мѣсто въ системахъ своихъ знаній".

Нѣмецкая склонность къ абстракціи и философіи общеизвѣстна. Способствуя появленію въ Германіи цѣлаго ряда геніевъ ума, она получила уже міровое значеніе. Но каждая медаль, къ сожалѣнію, всегда имѣетъ свою оборотную сторону, такъ и въ данномъ случаѣ. Нѣмецкая склонность къ абстракціи, доведенная иной разъ до крайности, получала неизбѣжное слѣдствіе — стремленіе къ методичности и всегда къ строго опредѣленнымъ рубрикамъ; поэтому та же склонность къ абстракціи способствовала на ряду съ геніями мысли появленію различнаго рода сухихъ и узкихъ формалистовъ и педантовъ. „Вся литература Германіи", говоритъ Ушинскій, „въ которой сосредоточились почти всѣ результаты ея исторической дѣятельности, служитъ лучшимъ доказательствомъ нашихъ словъ".

При болѣе близкомъ знакомствѣ съ общей постановкой школьнаго дѣла въ Германіи, при изученіи программъ и учебныхъ плановъ нѣмецкихъ гимназій и университетовъ можно было наблюдать ихъ общее стремленіе къ всесторонности и систематичности познаній. Для нѣмецкаго педагога вообще наука и ученость, по словамъ Ушинскаго, были тѣми идеалами, въ жертву которымъ нѣмецкій педагогъ готовъ былъ приносить все. Какое же могло быть общее воспитаніе,

если всѣ старанія школы были въ сущности направлены на то, чтобы какъ можно болѣе нагрузить голову своего питомца количествомъ знаній!

Нѣмецкая педагогика въ сущности мало заботилась о душѣ ребенка и ея запросахъ. Въ этой педагогикѣ во всемъ прежде всего фигурировала выработанная системой указка, которой и должны были подчиняться учитель и ученикъ.

Переходя отъ нѣмецкой педагогики къ англійской, Ушинскій находилъ, что на послѣдней являлась возможность отдохнуть душой. Здѣсь не было такого подавленія личности, и была уже возможность дѣйствительнаго проявленія самостоятельности. Въ самихъ воспитательныхъ идеалахъ обѣихъ этихъ націй оказывалась громадная разница. Насколько нѣмцы стремились достигать великой учености, настолько же идеаломъ для англичанъ былъ великій характеръ. Характеръ, привычка владѣть собой — считается отличительной чертой каждаго англійскаго джентльмена, потому и вниманіе англійской педагогики было сосредоточено главнымъ образомъ на этой сторонѣ. Англійскія коллегіи вполнѣ наглядно опредѣляли свое назначеніе, говоря, что „ихъ дѣло создавать людей, а не писать книги".

Ушинскій замѣчаетъ, что англійская педагогика поставила себѣ аксіомой изреченіе Локка: „чѣмъ ранѣе начнете обращаться съ мальчикомъ, какъ съ взрослымъ человѣкомъ, тѣмъ онъ скорѣе человѣкомъ сдѣлается".

Всѣ заботы англійской семьи и школы были одинаково направлены на то, чтобы пріучать ребенка съ ранней поры къ самоуправленію. Это, конечно, далеко ничего не имѣло общаго съ развитіемъ въ ребенкѣ самоуправства. Ребенокъ пріучался не смѣшивать оба эти понятія. Англійскій ребенокъ съ дѣтства утверждался въ сознаніи своихъ правъ и въ то же время не долженъ былъ забывать и своихъ обязанностей.

Для человѣка, не привыкшаго къ системѣ англійскаго воспитанія, можетъ показаться очень страннымъ полное соблюденіе своего достоинства и проявленіе самостоятельности со стороны важно разсуждающихъ десятилѣтнихъ джентльменовъ. Даже самъ девизъ англійской школы — это круговая порука. На обязанность самихъ учениковъ возлагается поддерживать дисциплину, выработанную опредѣленными правилами и законами. Въ англійской школѣ, замѣчаетъ Ушинскій, „виновный чаще всего наказывается самими товарищами и наказывается съ такой строгостью, которую долженъ умѣрять наставникъ. Но за то и воспитанники крѣпко стоятъ за свои права, признанныя письменнымъ положеніемъ или давно укоренившимся обычаемъ".

Американская система воспитанія самая оригинальная. Здѣсь очень многое способно поражать иностранца. Эта система воспитанія

во многомъ сходна и имѣетъ много общаго съ англійской. Но на стремленіе въ ней къ проявленію самостоятельности Ушинскій указываетъ уже какъ на преувеличеніе, впадающее нерѣдко въ односторонность.

Если дѣти-англичане способны поражать непривычнаго человѣка своимъ самостоятельнымъ видомъ, то дѣти американцы тѣмъ болѣе. Они въ этомъ отношеніи доходятъ до крайностей. Такъ бываютъ примѣры, что дѣти съ самымъ серьезнымъ видомъ обсуждаютъ вопросы политики или по своему могутъ принимать участіе въ публичныхъ митингахъ. По мнѣнію Ушинскаго, такого рода система „воспитанія скоро стираетъ ту золотую пыль наивности, которою природа осыпала легкія крылья дѣтства, и если не дѣлаетъ недозрѣлыхъ философовъ систематиковъ, за то производитъ ту раннюю сдержанность и замкнутость, которая, конечно, полезна въ жизни, но дышетъ холодомъ во взросломъ человѣкѣ и непріятно поражаетъ въ ребенкѣ“.

Что же касается своеобразности этой системы въ видѣ совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ и незнакомой намъ свободы учащейся дѣвушки, то положительную сторону этого Америка доказываетъ наглядно. Американская дѣвушка, говоритъ Ушинскій, мужественная и независимая, доказала, что она можетъ быть прекрасной матерью, женой и хозяйкой. Возможны, конечно, примѣры, что „нѣкоторыя изъ нихъ гибнутъ жертвами ранней свободы, но едва ли число этихъ жертвъ значительнѣе, чѣмъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ женщины охраняются почти что монастырскими стѣнами до 16 или 18-лѣтняго возраста“.

Въ чемъ видѣлъ Ушинскій главнымъ образомъ положительную сторону французской школы, это — въ постановкѣ техническаго образованія. Въ этомъ отношеніи французская школа, по его мнѣнію, могла дать образецъ для всей Европы. „Французъ съ любовью занимается математикой, находя въ ней гимнастику для своего разсудка, но исторію и географію чужихъ государствъ онъ пробѣгаетъ мелькомъ“. Ни одно техническое учебное заведеніе не въ силахъ конкурировать съ Парижской политехнической школой, которая наглядно доказала свое значеніе для родины, выпуская изъ своихъ стѣнъ столько талантливыхъ техниковъ, архитекторовъ, инженеровъ, математиковъ и т. п.

„Но образованіе хорошихъ техниковъ составляетъ ли единственную задачу общественнаго воспитанія? Образцовый техникъ будетъ ли онъ образцовымъ семьяниномъ или гражданиномъ?“

По мнѣнію Ушинскаго, французы менѣе другихъ націй цѣнятъ пользу воспитанія. Французское общество всегда проявляетъ охотно готовность сбросить съ себя школьную тяготу, если не на руки правительства, то на руки отцовъ-іезуитовъ. Вообще французская система воспитанія произвела на Ушинскаго въ общемъ невыгодное впечатлѣніе.

Въ числѣ непривлекательныхъ сторонъ французской системы воспитанія для Ушинскаго было главнымъ образомъ само ея основное стремленіе къ внѣшнему блеску. Онъ не видѣлъ положительныхъ результатовъ для развитія нравственности тамъ, гдѣ на первомъ планѣ неизбѣжно должны было фигурировать тщеславіе, побѣда надъ соперникомъ, стремленіе къ матеріальнымъ благамъ и т. п.

По наблюденіямъ Ушинскаго, вся педагогическая дисциплина во французской школѣ „направлена къ тому, чтобы развить самолюбіе воспитанника и заставить соревновать другъ другу тѣхъ изъ нихъ, которые по природнымъ своимъ способностямъ могутъ выйти на эту арену: остальные должны сидѣть смирно и не мѣшать". Съ одной стороны, вся классная дисциплина въ французской школѣ опирается на принужденіе, съ другой — на самолюбіе. „Въ самолюбіи", замѣчаетъ Ушинскій, „французская школа нашла сильнѣйшій рычагъ и работаетъ имъ безпощадно. Для этой цѣли французскіе наставники изобрѣли множество геніальныхъ средствъ: жалуютъ своихъ воспитанниковъ орденами, производятъ ихъ въ чины и печатаютъ ихъ имена въ газетахъ".

Что особенно не понравилось Ушинскому въ французской системѣ воспитанія — это царившій въ ней въ то время духъ централизаціи. Каждая школа поражала не только своимъ точнымъ повтореніемъ одна другой, но и вырабатывала способность дѣйствовать, какъ одна строго дисциплинированная рота. Школьная регламентація поражала своей крайностью. Не только было указано, сколько необходимо пройти въ извѣстный промежутокъ времени, но указывались точно даже страницы, отъ какихъ и до какихъ поръ надо было перевести изъ авторовъ, сколько выучить наизусть и сколько изъ нихъ прочесть. Темы сочиненій, задачи для всѣхъ школъ задавались общія. И такъ изъ года въ годъ работали французскія школы, какъ заведенныя машины. Если бы чиновнику французскаго министерства, говоритъ Ушинскій, почему либо пожелалось знать, чѣмъ заняты въ опредѣленный часъ школьники, ему, повидимому, не трудно было бы удовлетворить свое любопытство. При нѣкоторомъ знакомствѣ съ школьной программой онъ безъ труда могъ бы угадать, взглянувъ на часы, какую именно страницу переводятъ въ данный моментъ изъ Цицерона или на какую тему пишутъ сочиненіе многіе десятки французскихъ школьниковъ.

Затѣмъ, не менѣе поражалъ Ушинскаго въ французской школѣ путь изученія какъ древнихъ классиковъ, такъ и родной литературы. Здѣсь особенно рельефно выдѣлялось стремленіе къ внѣшнему блеску и эффекту. Изучались главнымъ образомъ эффектныя мѣста изъ авторовъ, ихъ слогъ, но не ихъ идеи. Большое предпочтеніе отдавалось заучиванію на память. Ученики заучивали наизусть цѣлыя

тирады изъ выдающихся авторовъ и образцово вырабатывали у себя способность писать сочиненія даже слогомъ опредѣленнаго автора. Готовая фраза для француза драгоцѣнна. „Она готова у него на всякій случай, на всякую мысль, на всякій оттѣнокъ мысли, и ему остается только брать ее, всегда готовую, острую и ловкую", замѣчаетъ Ушинскій. „Въ богатствѣ фразъ ни одинъ языкъ не можетъ сравниться съ французскимъ. Оттого такъ пріятно писать на этомъ языкѣ обыденныя вещи, украшая пустѣйшую мысль чужимъ остроуміемъ, и въ то же время такъ трудно выразить съ точностью новую идею, для которой еще не готова фраза". Такой порядокъ вещей, естественно, былъ несимпатиченъ Ушинскому, какъ человѣку всегда бывшему сторонникомъ всего собственнаго, самобытнаго. По его взгляду, такая выучка хороша для попугая, который не въ состояніи иначе говорить, какъ съ чужого голоса, но для человѣка она положительно вредна.

По мнѣнію Ушинскаго, дѣло школьное — дѣло живое, а доведенная до крайности его регламентація способна только его мертвить. При подобныхъ условіяхъ вполнѣ могло быть понятно какъ механическое и безучастное отношеніе къ своему дѣлу учителя, такъ и вынужденное стремленіе ученика заниматься наукой изъ за страха передъ экзаменомъ или въ виду конечной цѣли — достиженія диплома. На такого рода печальное явленіе Ушинскій вдоволь успѣлъ насмотрѣться и ознакомиться у себя на родинѣ.

Въ свое время Ушинскому приходилось горячо ратовать за возможно большую самостоятельность нашего русскаго воспитанія, потому что въ преобразовательную пору проявлялось довольно попытокъ круто ломать и передѣлывать старую систему воспитанія по западно-европейскимъ образцамъ. Согласно своей основной точкѣ зрѣнія, Ушинскій считалъ, что наше русское воспитаніе и школа необходимо должны прежде всего исходить изъ своихъ національныхъ началъ. Національность же ихъ должна заключаться въ томъ, чтобы оставаться вѣрными языку своего народа, его кореннымъ законамъ и исторіи. Если же воспитаніе и школа будутъ лишены этихъ національныхъ началъ, то при всѣхъ благихъ намѣреніяхъ, заложенныхъ въ ихъ основаніе, они не будутъ въ силахъ удовлетворить ни нашему міросозерцанію, ни бытовымъ и жизненнымъ потребностямъ, оказавшись, вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ то чуждымъ и намъ навязаннымъ.

Въ нашей системѣ воспитанія до Ушинскаго замѣтно было сильное тяготѣніе подражать нѣмцамъ. Сама наша педагогика дореформеннаго времени была до извѣстной степени сколкомъ съ нѣмецкой, а между тѣмъ по самому складу своего характера нѣмецкая система воспитанія была одной изъ наименѣе подходящихъ для насъ, русскихъ. Наша славянская натура какъ то мало имѣетъ склонности къ абс-

тракціи и методичности, съ ея строго опредѣленными рубриками. Что же касается философіи, то тяготѣніе къ ней у насъ наблюдается менѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Философія имѣетъ сравнительно слабое развитіе и въ нашемъ университетскомъ преподаваніи.

И вотъ, задаваясь стремленіемъ составить научное руководство по педагогикѣ для своихъ соотечественниковъ, Ушинскій находилъ безполезнымъ слѣдовать въ данномъ случаѣ примѣру нѣмецкихъ ученыхъ. Нѣмецкія руководства по педагогикѣ обыкновенно представляли собой собраніе правилъ воспитательной дѣятельности, научная основа которыхъ коренилась въ различныхъ отрасляхъ философскихъ и антропологическихъ наукъ. При существовавшихъ же условіяхъ нашей педагогической дѣятельности той поры, особенно при скудости познаній самой нашей образованной среды, такое руководство дѣйствительно не оправдывало бы своего назначенія. Являясь въ видѣ какой то педагогической рецептуры, для насъ оно могло быть и мало понятно, и слабо приложимо къ дѣлу. Могло быть еще хуже, если со стороны педагога не оказывалось въ достаточной степени знаній и опыта по отношенію свойствъ и требованій природы воспитанниковъ, — тогда многимъ изъ педагоговъ открывался лишь широкій путь для произвола и заблужденій.

Что же касается нѣмцевъ, то для нихъ являлось вполнѣ возможнымъ удовлетвориться такого рода руководствомъ, и цѣль этими учебниками вполнѣ достигалась, такъ какъ философскія знанія представляютъ всегда собою главную основу высшаго обученія въ Германіи.

Исходя изъ этого положенія, Ушинскій нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ составить для своей родины по возможности болѣе общедоступный и общепонятный учебникъ по антропологіи, такъ какъ знанія антропологическія по праву должны всегда занимать первое мѣсто въ педагогіи.

Глубокое изученіе воспитательнаго дѣла заставило Ушинскаго прійти въ заключеніе къ такому выводу, что педагогику, если разсматривать ее, какъ примѣненіе къ воспитанію общихъ антропологическихъ началъ, можно считать болѣе искусствомъ, чѣмъ наукой. При этомъ Ушинскій сдѣлалъ очень мѣткую характеристику педагогики вообще. Онъ находилъ, что по отношенію входящихъ въ ея составъ наукъ педагогика подобна лѣчебнику по отношенію къ медицинѣ. Допустимо, что многіе лѣчебники могутъ быть прекрасно составлены, полны, обширны, даже образцовы, тѣмъ не менѣе возможность лѣчить, а не знахарствовать, получается только лишь при основательномъ изученіи не лѣчебниковъ, а основъ медицины въ видѣ физіологіи, анатоміи и т. п. Аналогичны явленія и въ педагогикѣ: для начинающаго педагога черезчуръ мало изучать самыя

лучшія педагогическія руководства, если у него не будетъ достаточно знаній антропологическихъ. На этомъ основаніи свой трудъ, „Человѣкъ какъ предметъ воспитанія", Ушинскій назвалъ не педагогикой, а педагогической антропологіей.

До появленія въ свѣтъ этого сочиненія у насъ не было ничего подобнаго въ нашей учебно-педагогической литературѣ. „Человѣкъ какъ предметъ воспитанія" былъ результатомъ 5-лѣтняго усиленнаго труда за границей. Во время этой работы Ушинскій массу перечиталъ, стремился основательно изучить произведенія какъ древнихъ, такъ и новыхъ философовъ и педагоговъ. Онъ пользовался для этого избранными произведеніями выдающихся западно-европейскихъ ученыхъ мыслителей, стремясь въ своемъ трудѣ дать возможно болѣе ясное и полное понятіе о важнѣйшихъ психологическихъ и педагогическихъ проблеммахъ. Такимъ образомъ, этотъ трудъ, представляя собою популярную философскую и антропологическую энциклопедію, являлся какъ бы итогомъ всего болѣе или менѣе выдающагося въ западно-европейской мысли.

Необходимо кстати сказать, что въ этомъ своемъ трудѣ Ушинскій помимо указанной нами главной цѣли преслѣдовалъ и добавочную. Наблюденія указали ему, что педагогическая терминологія и номенклатура его времени далеко не отличались ясностью, вслѣдствіе чего могла происходить и происходила нерѣдко досадная путаница въ самихъ понятіяхъ. „Читая педагогическіе проэкты, разнаго рода статьи и присутствуя при обсужденіи педагогическихъ вопросовъ въ различныхъ собраніяхъ, прислушиваясь къ частнымъ спорамъ, мы пришли къ тому убѣжденію", замѣчаетъ Ушинскій, „что всѣ эти толки, споры, проэкты, журнальныя статьи выиграли бы много въ основательности, если бы придавали одно и то же значеніе психологическимъ и отчасти физіологическимъ и философскимъ терминамъ, которые въ нихъ безпрестанно повторялись". И вотъ, стараясь изложить свою педагогическую антропологію возможно болѣе точно и ясно, тѣмъ самымъ авторъ ея пытался изгнать неустойчивость въ нашей педагогической терминологіи и номенклатурѣ.

„Человѣкъ какъ предметъ воспитанія" появился въ свѣтъ въ 1867 г. Первый томъ его заключаетъ въ себѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія для педагога по физіологіи и психологіи. Второй томъ былъ изданъ въ 1869 г. и представляетъ собою анализъ чувствованій и воли. Предполагавшійся 3 томъ остался незаконченнымъ. Въ немъ Ушинскій намѣревался закончить анализъ духовныхъ особенностей, составляющихъ отличительную черту психической жизни человѣка. Въ заключеніи, въ видѣ окончательнаго вывода, онъ предполагалъ изложить педагогическія мѣры, правила и наставленія. Вышедшіе два тома этого труда, отличаясь стройностью изложенія,

строгой послѣдовательностью разработки явленій и вопросовъ педагогическаго характера, остротой критики различнаго рода теорій по философіи, психологіи и педагогикѣ, были написаны живо и увлекательно. Что это сочиненіе представляло и представляетъ собой цѣнный вкладъ въ нашу научно-педагогическую литературу и имѣетъ безспорно громадное значеніе для нашего педагога, это — неопровержимый и вполнѣ доказанный фактъ. Но, помимо того, соч. „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія" всегда съ большимъ интересомъ прочтетъ и каждый образованный человѣкъ, которому не чужды вопросы воспитанія.

Коснувшись приверженности Ушинскаго къ націонализму въ воспитаніи, мы не имѣли возможности точнѣе опредѣлить, въ чемъ именно заключалась въ данномъ случаѣ его база. Остановимся теперь на этомъ вопросѣ. Въ чемъ Ушинскій хотѣлъ проявить чувство народности и насколько высоко ставилъ это чувство, видно изъ приводимыхъ имъ примѣровъ. „Чувство народности такъ сильно въ каждомъ", говоритъ онъ, „что при гибели всего святаго и благороднаго оно гибнетъ послѣднее. Взяточникъ, подтачивающій, какъ червь, силы своей родины, сочувствуетъ ея славѣ и ея горю. Въ злодѣѣ, въ которомъ потухли всѣ благородныя человѣческія чувства, можно еще доискаться любви къ отечеству: поля родины, ея языкъ, ея преданія и жизнь никогда не теряютъ непостижимой власти надъ сердцемъ человѣка". Основываясь на этомъ, Ушинскій считалъ вполнѣ возможнымъ предоставить дѣло воспитанія болѣе этимъ національнымъ основамъ. Сама организація воспитанія при такихъ условіяхъ, по его мнѣнію, менѣе рискуетъ быть въ зависимости отъ случайностей.

Народъ и его направленіе — это одно изъ наименѣе случайнаго. Главное же выраженіе этого направленія рельефнѣе всего выражаетъ всегда языкъ каждаго народа. „Языкъ народа — лучшій, никогда неувядающій и вѣчно вновь распускающійся цвѣтъ всей его духовной жизни, начинающійся далеко за предѣлами исторіи". „Въ языкѣ одухотворяется весь народъ и вся его родина". „Являясь полнѣйшею и вѣрнѣйшею лѣтописью всей духовной, многовѣковой жизни народа, языкъ въ то же время является величайшимъ народнымъ наставникомъ, учившимъ народъ тогда, когда не было еще ни книгъ, ни школъ, и продолжающимъ учить его до конца народной исторіи", говоритъ Ушинскій. Родной языкъ для каждаго народа имѣетъ великое значеніе. По мѣткому опредѣленію Ушинскаго, онъ представляетъ собою ту живую и прочную связь, которая соединяетъ народъ въ одно историческое цѣлое, являясь также связующимъ звеномъ между отжившимъ, живущимъ и будущимъ его поколѣніемъ. Родной языкъ — это сама жизненность народа. „Когда исчезаетъ народный языкъ", замѣчаетъ Ушинскій, „народа нѣтъ болѣе". Народъ

многаго можетъ лишиться и съ теченіемъ времени вновь возстановить, вернуть потерянное. „Отнимите у народа все“, говоритъ Ушинскій, „и онъ все можетъ воротить, но отнимите языкъ, и онъ никогда болѣе не создастъ его. Новую родину даже можетъ создать народъ, но языкъ — никогда. Вымеръ языкъ въ устахъ народа, вымеръ и народъ“. Естественно, что Ушинскій ставилъ высоко изученіе родного языка, его развитіе и процвѣтаніе. По его мнѣнію, родной языкъ являлся первымъ путемъ умственнаго развитія ребенка, такъ какъ „дитя входитъ въ духовную жизнь окружающихъ его людей единственно черезъ посредство отечественнаго языка, и, наоборотъ, міръ, окружающій дитя, отражается въ немъ своей духовной стороной только черезъ посредство той же среды отечественнаго языка“.

На этомъ основаніи Ушинскій считалъ прежде всего необходимымъ научить ребенка говорить на родномъ языкѣ, такъ какъ само „изученіе каждаго предмета передается ребенку, усваивается имъ и выражается всегда въ формѣ слова. Дитя, которое не привыкло вникать въ смыслъ слова, темно понимаетъ или вовсе не понимаетъ его настоящаго значенія и не получило навыка распоряжаться имъ свободно въ изустной и письменной рѣчи, всегда будетъ страдать отъ этого недостатка при изученіи всякаго другого предмета“.

Согласно теоріи Ушинскаго, родной языкъ такимъ образомъ долженъ быть центромъ, вокругъ котораго надо тѣсно сгруппировать остальные предметы первоначальнаго обученія. „Преподаваніе отечественнаго языка въ первоначальномъ обученіи составляетъ предметъ главный, центральный, входящій во всѣ другіе предметы и собирающій въ себѣ ихъ результаты“, говоритъ онъ.

Въ качествѣ убѣжденнаго сторонника и почитателя родного языка, онъ вмѣнялъ въ обязанность преподавателю родного языка не ограничиваться узкой сферой преподаванія грамматики, а имѣть въ виду общее развитіе учащагося. На обязанности преподавателя родного языка лежитъ „сообщить ученику ясное и правильное понятіе объ окружающихъ предметахъ, что очень рѣдко приносится ребенкомъ въ школу, научить его разсуждать о знакомыхъ ему предметахъ и правильно выражать свои мысли“. И вотъ, когда человѣкъ вполнѣ овладѣетъ роднымъ языкомъ, тогда только онъ можетъ приступать къ изученію иностранныхъ.

Солидарный во многихъ педагогическихъ вопросахъ съ Пироговымъ, въ данномъ вопросѣ Ушинскій совершенно съ нимъ расходился. Вполнѣ соглашаясь съ положеніемъ Пирогова, что изученіе организаціи языка можетъ быть лучшимъ средствомъ духовнаго развитія, онъ въ то же время считалъ эту цѣль достижимой лишь въ томъ случаѣ, если вмѣсто выдвинутыхъ на первый планъ Пироговымъ классическихъ языковъ взять свой родной языкъ. Взглядъ Ушинскаго былъ

даже таковъ, что каждое образованіе, преслѣдующее гуманитарныя цѣли, необходимо должно обратить прежде всего свое вниманіе на изученіе роднаго языка, а не чужихъ. „Правда и то, что древніе языки по логичности ихъ постройки могутъ быть признаны за логику языковъ, говоритъ онъ, но правда и то, что изученіе древнихъ языковъ не мало мѣшало намъ при изученіи родного, заставляя насъ смотрѣть сквозь чуждыя очки.“ Въ противоположность Пирогову, Ушинскій являлся противникомъ классицизма, и потому, когда у насъ былъ поднятъ вопросъ о великомъ воспитательномъ значеніи классицизма, онъ открыто выступилъ противъ него. Онъ не соглашался и возражалъ Пирогову по поводу его проповѣди о благотворности вліянія на юношество изученія древне-классическаго міра и наглядно указывалъ на тѣ результаты, которые проявило современное изученіе классическихъ языковъ на разныхъ почвахъ, въ томъ числѣ и у насъ. „Нѣмецъ извлекалъ изъ классиковъ грамматику, археологію и философію, англичанинъ — уроки греческой мудрости, точность и опредѣленность въ мысляхъ и выраженіяхъ, французъ — ловкія фразы, а мы, русскіе, извлекали до сихъ поръ только мертвую семинарщину, и наша проба продолжалась долго — цѣлое столѣтіе. Неужели же начинать снова? Какъ ни плохо у насъ учили классическимъ языкамъ, однако же выучились многіе. Какую же пользу приносило это изученіе у насъ множеству людей, которые три четверти своей молодой жизни потратили на изученіе латинскаго, греческаго и еврейскаго языковъ? Говорятъ, что нельзя винить древніе языки за то, что ихъ преподаютъ дурно; но если по какимъ либо предметамъ могли образоваться хорошіе наставники, то, конечно, по древнимъ языкамъ. Отчего же знаніе классическихъ языковъ и классической литературы не сдѣлало дурныхъ преподавателей этихъ предметовъ хорошими? Видно въ классическомъ мірѣ нѣтъ для насъ образовательной педагогической силы“. По его мнѣнію, средняя школа, въ которой и начинается усиленное изученіе древнихъ классиковъ, менѣе всего можетъ явиться мѣстомъ ихъ глубокаго и настоящаго пониманія.

Вообще классицизмъ не находилъ себѣ сочувствія у Ушинскаго, общій выводъ котораго въ отношеніи классицизма былъ таковъ, „что преимущественное изученіе классической древности, основанное на историческомъ преданіи, отъ котораго не можетъ оторваться Западная Европа, болѣе всего мѣшаетъ до сихъ поръ дѣйствительному соединенію науки и жизни“. Такого рода заключеніе могло найти себѣ объясненіе отчасти въ томъ, что въ качествѣ горячаго поборника идеи христіанства, Ушинскій находилъ міросозерцаніе древне-классическихъ народовъ черезчуръ несовмѣстимымъ съ этой идеей, такъ какъ, основанное на языческихъ понятіяхъ, оно является въ большинствѣ чуждымъ современному человѣку. Взгляды даже та-

кихъ лучшихъ представителей античнаго міра, какъ, напр., Сократъ, Аристотель, Тацитъ, по мнѣнію Ушинскаго, должны казаться современному человѣку во многомъ сходными съ воззрѣніями, если не ирокезца, то, по меньшей мѣрѣ, плантатора Южно-Американскихъ Штатовъ, — таковы ихъ взгляды на женщину, на другіе народы. Тацитъ же особенно своимъ воззрѣніемъ на Бога возмущалъ религіозное чувство Ушинскаго.

Вѣрный своему взгляду на родной языкъ, какъ на основной путь развитія въ дѣтствѣ, Ушинскій стремился доказать это на дѣлѣ, выпустивъ въ свѣтъ свой „Дѣтскій Міръ“ и „Родное Слово“. Обѣ эти книжки являлись нагляднымъ доказательствомъ идеи ихъ автора. Въ основу этихъ руководствъ для первоначальнаго обученія онъ и положилъ родной языкъ и вокругъ уже него группировалъ, ставя въ тѣсную связь, всѣ другіе предметы обученія.

Назначеніе обоихъ руководствъ было облегчать трудъ первоначальнаго обученія одинаково, какъ въ семьѣ, такъ и въ школѣ. Изъ нихъ „Родное Слово“ представляетъ собою раціональное и строго методическое руководство для первоначальнаго обученія; это первая книжка послѣ азбуки. „Дѣтскій Міръ“ — книжка вспомогательная для класснаго чтенія. Кто изъ насъ не знавалъ ихъ въ дѣтствѣ? Это наши старые испытанные друзья, которые и теперь читаются и перечитываются многими милліонами ребятишекъ всѣхъ городовъ и селъ обширной Руси.

Ушинскій, составляя обѣ книжки, отнесся съ большимъ вниманіемъ къ силамъ и способностямъ дѣтскаго мышленія. Первую провѣрку своихъ руководствъ онъ сдѣлалъ въ примѣненіи къ обученію собственныхъ дѣтей, за занятіями которыхъ всегда самъ наблюдалъ и слѣдилъ. Достигнуть намѣченной себѣ цѣли, выполнить свою задачу автору этихъ книжекъ было далеко не легко. Какъ онъ и самъ говорилъ, „написать первую книгу послѣ азбуки — едва ли не самая трудная задача во всей дидактикѣ“. Каждая изъ этихъ книжекъ была плодомъ нѣсколькихъ лѣтъ упорнаго и серьезнаго труда. Для человѣка некомпетентнаго въ воспитательномъ дѣлѣ при чтеніи хотя бы „Дѣтскаго Міра“, состоящаго въ сущности изъ самыхъ простыхъ и безыскусственныхъ разсказовъ и описаній, можетъ казаться: какой же трудъ составить такую книжку? Тѣмъ не менѣе Ушинскій потратилъ на нее не даромъ нѣсколько лѣтъ (1858—61) усидчиваго труда, что̀ и показали впослѣдствіи результаты.

Составляя „Дѣтскій Міръ“, авторъ имѣлъ въ виду черезъ посредство этой книжки способствовать постепенному развитію вниманія и мыслительной способности ребенка. Поэтому онъ такъ тщательно обдумывалъ и обрабатывалъ книжку во всѣхъ деталяхъ. Къ статьямъ, заимствованнымъ для „Дѣтскаго Міра“ изъ русскихъ ав-

торовъ, Ушинскій относился строго критически. Помимо этихъ статей здѣсь было также довольно статей, составленныхъ и имъ самимъ. Всѣ эти свои статьи Ушинскій не только тщательно провѣрялъ и передѣлывалъ по нѣскольку разъ, но и самую форму ихъ изложенія, ихъ языкъ, старался сдѣлать простымъ и въ то же время художественнымъ и логически правильно выражающимъ мысль. Цѣль составителя была достигнута блестяще.

Что же касается „Родного Слова", въ которое авторъ стремился вложить „много новаго какъ въ методѣ, такъ и въ пріемахъ ученія", этотъ трудъ пріобрѣлъ Ушинскому вполнѣ заслуженную популярность и сдѣлалъ само имя его народнымъ. Строго слѣдуя индуктивному методу, Ушинскій стремился этимъ руководствомъ дать ребенку возможно болѣе полное и послѣдовательное знакомство со всѣмъ окружающимъ его въ обыденной жизни и природѣ. Здѣсь же дитя получало и первоначальное знакомство съ основами своей религіи, письмомъ, счисленіемъ и рисованіемъ. Самая форма, которую авторъ придалъ „Родному Слову", строго обдуманная и систематизированная, была искусно приспособлена къ тому, чтобы давать ребенку необходимыя свѣдѣнія и въ то же время укладывать ихъ въ его сознаніи гармонично, не насилуя его природы.

Вмѣсто томительно скучнаго букваря въ рукахъ ребенка появляется разумная книжка, художественно обработанная, умѣло и съ любовью приспособленная къ дѣтскому міру, написанная просто и ясно. Эта книжка заговорила съ нимъ понятнымъ ему роднымъ языкомъ. Вполнѣ естественно, что это былъ тотъ теплый солнечный лучъ, который проникъ, согрѣлъ и оживилъ дотолѣ мрачное и мертвое царство стараго букваря. Отъ книжекъ Ушинскаго повѣяло новымъ бодрящимъ духомъ, въ школѣ затеплилась настоящая жизнь. Ребенокъ былъ заинтересованъ и самъ уже проявлялъ охоту учиться безъ прежнихъ понуканій, наказаній и угрозъ.

Чтобы облегчить трудъ людей, занимающихся обученіемъ дѣтей, Ушинскій въ видѣ приложенія къ „Родному Слову" добавилъ „Книгу для учащихъ", т. е. руководство для преподаванія по „Родному Слову". Здѣсь указывался вполнѣ выработанный методъ первоначальнаго обученія.

Ушинскій не предполагалъ ограничиться даннымъ въ „Родномъ Словѣ". Его мечта была широко расширить программу этой книжки. Онъ мечталъ обратить „Родное Слово" въ обширное практическое руководство, которое охватывало бы собой всю программу начальнаго образованія.

Въ двухъ первыхъ частяхъ „Роднаго Слова" Ушинскій старался только дать возможно болѣе обильный матеріалъ для практическаго изученія роднаго языка, въ послѣдующей части онъ предполагалъ

перейти къ теоріи его изученія — къ грамматикѣ. Выпущенная 3 часть „Роднаго Слова“ (1870 г.) представляетъ собой наглядное изложеніе грамматики. Въ особомъ приложеніи Ушинскій сдѣлалъ при этомъ основательный разборъ существовавшаго у насъ способа преподаванія грамматики.

„Такъ какъ грамматика есть результатъ наблюденій человѣка надъ собственнымъ языкомъ, говоритъ онъ, а не языкъ — результатъ грамматики, то самый раціональный пріемъ изученія грамматики будетъ такой, при которомъ стараются обратить вниманіе дитяти на то, какъ оно говоритъ, и только руководятъ его наблюденіями надъ тѣми грамматическими законами, которымъ оно безсознательно подчиняется въ своей рѣчи, усвоенной подражаніемъ, но созданной самосознаніемъ“. Полная осмысленность въ данномъ случаѣ — единственно вѣрный и правильный путь, по мнѣнію Ушинскаго. „Руководство наставника при этомъ необходимо, безъ сомнѣнія, замѣчаетъ онъ. „Предоставленное самому себѣ дитя, конечно, не сдѣлаетъ никакихъ наблюденій надъ такимъ сложнымъ, обширнымъ и при томъ невидимымъ явленіемъ, какимъ представляется человѣческое слово во всей его исторической и логической организаціи. Но при этомъ руководствѣ должно сколько возможно болѣе оставлять самодѣятельности ученику“. Послѣднее условіе Ушинскій считалъ основнымъ при вполнѣ осмысленномъ преподаваніи грамматики.

Безспорно, труды Ушинскаго были оригинальны по замыслу, талантливы по исполненію, но они были и не менѣе народны по духу.

Въ нихъ нашла себѣ яркое отраженіе душа русскаго человѣка, горячо любившаго свой народъ и понимавшаго его запросы. Ушинскій былъ того мнѣнія, что наше педагогическое дѣло далеко не зависитъ главнымъ образомъ отъ школы, поэтому свое „Родное Слово“ въ качествѣ книжки первоначальнаго обученія родному языку составитель имѣлъ намѣреніе приспособить не для однихъ училищъ, но и для домашняго воспитанія, о правильности постановки котораго на родинѣ онъ такъ заботился. „Издавая руководство для учащихся по „Родному Слову“ замѣчаетъ онъ, я имѣлъ въ виду не только школу, но и семью. У насъ болѣе чѣмъ гдѣ нибудь распространено домашнее первоначальное обученіе, и дай Богъ, чтобы оно распространялось и улучшалось. Осмотрѣвъ множество заграничныхъ школъ для малолѣтнихъ дѣтей, я вынесъ изъ этого осмотра полное убѣжденіе, что первоначальное воспитаніе и ученіе дѣтей, по крайней мѣрѣ до 8-лѣтняго и даже до 10-лѣтняго возраста, болѣе на мѣстѣ въ семьѣ, чѣмъ въ общественной школѣ, и что сама школа для малолѣтнихъ дѣтей тогда только хороша, когда она проникнута семейнымъ характеромъ и болѣе похожа на семью, чѣмъ на школу“. Исходя изъ этого положенія, въ качествѣ первой и лучшей учитель-

ницы ребенка Ушинскій считалъ прежде всего мать, тѣмъ болѣе что, по его мнѣнію, педагогическія наклонности „столь свойственны женской природѣ", и „что женщинѣ врождено стремленіе учить и развивать свое дитя, а вмѣстѣ съ тѣмъ даны необходимыя способности, — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія". И вотъ своей книжкой Ушинскій хотѣлъ оказать также помощь русской матери-воспитательницѣ при ея первоначальномъ воспитаніи дѣтей: „облегчить для матери и сдѣлать для нея пріятнымъ трудъ первоначальнаго обученія" и тѣмъ самымъ дать ей болѣе возможности самой понять и оцѣнить то наслажденіе, которое должна испытывать каждая интеллигентная женщина". „Я желалъ бы, говоритъ Ушинскій, чтобы на моей родинѣ рядомъ съ устройствомъ школъ для малолѣтнихъ дѣтей, не могущихъ по какимъ либо уважительнымъ причинамъ пользоваться счастьемъ хорошаго домашняго воспитанія и ученія, развились въ русской женщинѣ наклонность и умѣніе самой заниматься первоначально воспитаніемъ своихъ дѣтей. Я желалъ бы, чтобы русская женщина, испытавъ глубокое наслажденіе самой учить и развивать своего ребенка, не уступала бы этого наслажденія никому безъ необходимости". Со стороны каждой матери вполнѣ естественно стремленіе возможно больше не разставаться съ своими дѣтьми и потому само наблюдаемое стремленіе матерей поручать воспитаніе и первоначальное обученіе своихъ дѣтей школѣ и вообще чужимъ людямъ Ушинскій объясняетъ только „практической неподготовленностью матерей". Въ виду этого онъ считалъ воспитательное дѣло лишь въ томъ случаѣ достигающимъ и исполняющимъ свое великое назначеніе, если его вопросы станутъ одинаково важными вопросами какъ для школы даннаго времени, такъ и въ частности для каждой семьи. Въ этомъ случаѣ каждая образованная, сознательно смотрящая на вещи семья неизбѣжно будетъ ставить интересъ педагогическій на ряду съ самыми насущными изъ своихъ интересовъ. Поэтому соединить, тѣснѣе сблизить между собой семью и школу и указать до извѣстной степени необходимость зависимости ихъ между собой — было горячимъ стремленіемъ Ушинскаго.

Идея придать школѣ характеръ большой разумной, хорошо поставленной семьи начала проявляться еще въ самомъ учрежденіи у насъ закрытыхъ учебныхъ заведеній. Первоначальная цѣль ихъ возникновенія — была замѣнить собой ребенку его въ большинствѣ случаевъ еще малокультурную семью. Идея эта возникла у насъ еще въ концѣ 18 столѣтія. Коснувшись того же вопроса, Ушинскій пришелъ къ выводу, что первоначальная цѣль нашихъ закрытыхъ заведеній въ сущности всегда была черезчуръ далека и не достигала своего предполагаемаго воспитательнаго назначенія. Со стороны нашихъ закрытыхъ учебныхъ заведеній Ушинскій не считалъ возмож-

нымъ хотя сколько либо замѣнить собою семью уже по одному тому, что всѣ эти заведенія скорѣе напоминали собой огромныя крѣпости или казармы съ многочисленнымъ населеніемъ, чѣмъ желанный, полный свѣта и любви обширный семейный очагъ. Въ какую обстановку попадалъ здѣсь ребенокъ? „Повсюду сердитыя аргусовскіе глаза купленнаго надзора, повсюду строгая форма, чинность, вѣчная чистка и лакировка", то гробовое молчаніе, то оффиціальный гулъ. Формализмъ ихъ способенъ былъ обезличивать человѣка.

Казарменность условій этихъ закрытыхъ заведеній отразилась и на самомъ дѣленіи ихъ педагоговъ на двѣ совершенно различныя группы: учителей и воспитателей. Здѣсь часто „воспитатель и учитель въ одномъ и томъ же классѣ, замѣчаетъ Ушинскій, всегда два лица, не только различныхъ, но и противоборствующихъ".

Всѣ усилія такого учителя часто направлены исключительно на набиванье дѣтскихъ головъ наукой. „Учитель является въ классъ на урокъ и, уходя съ урока, забываетъ о воспитанникахъ". Смѣняющій учителя воспитатель, своимъ грознымъ „тихо — смирно" стремящійся внѣдрять среди дѣтей формальное благонравіе, проявляетъ болѣе полицейскій, чѣмъ воспитательный характеръ своихъ обязанностей. При такихъ условіяхъ, естественно, трудно разсчитывать на желаемое воспитательное вліяніе образованія и образовательное вліяніе воспитанія. Въ заключеніе „это ведетъ къ тому, говоритъ Ушинскій, что ни воспитатель, ни учитель не имѣютъ никакого воспитательнаго вліянія".

Рѣзкое дѣленіе на учительство и воспитательство имѣло еще и другую дурную сторону: оно давало возможность появляться здѣсь въ качествѣ воспитателей грубымъ и, что еще хуже, озлобленнымъ невѣждамъ. Сама постановка дѣла, предоставлявшая въ исключительное вѣдѣніе воспитателя наблюденіе за порядкомъ, безъ труда могла избавлять его не только отъ излишняго пристрастія къ наукѣ, но даже отъ сочувствія къ ней. Въ конечномъ результатѣ такіе воспитатели, не вѣдая, что творятъ, коверкали своихъ воспитанниковъ на всю жизнь, заставляя несчастныхъ дѣтей страшно страдать во все теченіе своего менторства.

Къ такого рода печальнымъ наблюденіямъ пришелъ Ушинскій, ознакомившись съ современными ему нашими закрытыми учебными заведеніями. Онъ находилъ, что ихъ черезчуръ форменный казарменный характеръ никогда не былъ въ силахъ отразиться благопріятно на самихъ отношеніяхъ между учащими и учащимися. Развитію такого формальнаго характера способствовала чрезмѣрная скученность дѣтей. Соблюдая порядокъ въ такомъ учебномъ заведеніи, приходится даже невольно обращать жизнь ребенка въ постоянный и заранѣе расписанный церемоніалъ. Формальный характеръ школы,

естественно, устанавливаетъ и формальность отношенiй между учащими и учащимися. При такихъ условiяхъ учащему приходится смотрѣть на учащихся въ большинствѣ случаевъ черезъ оффицiальную оболочку, почему и сама внутренняя жизнь ребенка легко можетъ быть скрытой отъ его взора. Дѣти же живутъ и развиваются „гдѣ нибудь тайкомъ отъ воспитателя, въ какомъ нибудь темномъ уголкѣ, куда не проникаетъ его все нивеллирующiй взглядъ; въ тихомъ шопотѣ съ товарищемъ, въ тетрадкѣ или игрушкѣ, переданной подъ скамьей, гдѣ нибудь за кустомъ, въ саду проглядываетъ эта жизнь и, конечно, проглядываетъ не въ томъ видѣ, въ какомъ хотѣлось бы разумному воспитателю. Такимъ образомъ форменная жизнь заведенiя идетъ своимъ порядкомъ, а настоящее дѣйствительное воспитанiе блуждаетъ тысячами другихъ путей. Констатируя этотъ печальный фактъ, который ему бросился въ глаза въ жизни привиллегированныхъ учебныхъ заведенiй, какими были въ то время наши закрытыя заведенiя, Ушинскiй указываетъ, на ихъ сухой формализмъ какъ на главную причину ихъ многихъ неудачъ. Убѣжденiе же Ушинскаго было таково, что каждая школа въ силахъ достигнуть своего настоящаго назначенiя, только лишь утративъ свой сухой и формальный характеръ.

На жизнь Ушинскiй смотрѣлъ, какъ на нѣчто суровое и тяжелое. Въ школьный же перiодъ, когда ребенокъ еще не успѣваетъ испытать на себѣ всей жизненной тяготы, священная обязанность его руководителя — дать болѣе возможности душѣ и тѣлу ребенка свободнаго и нормальнаго роста. Измученный и искалѣченный за свой школьный перiодъ ребенокъ утрачиваетъ уже много шансовъ на полный расцвѣтъ и исправленiе въ самой дальнѣйшей жизни. Въ виду этого и былъ завѣтъ Ушинскаго всѣмъ руководящимъ воспитанiемъ дѣтей — стремиться всѣми силами сдѣлать школьный перiодъ ребенка свѣтлымъ и отраднымъ перiодомъ его жизни. Для лучшаго достиженiя этой цѣли Ушинскiй рекомендовалъ единственную мѣру — проводить болѣе свою идею на дѣлѣ, чѣмъ на словахъ, и въ качествѣ главнаго и могучаго средства указывалъ на необходимость ближе соединить между собою семью и школу, совѣтовалъ привлечь родителей, этихъ естественныхъ воспитателей, къ болѣе дѣятельному участiю въ школьномъ воспитанiи и обученiи. Ушинскiй горячо ратовалъ за доступъ родителей въ школу и за привлеченiе ихъ къ дѣятельному участiю въ различнаго рода школьныхъ преобразованiяхъ. Онъ подалъ при этомъ ту великую мысль, осуществленiе которой только въ наше время является злобою дня.

Мнѣнiе Ушинскаго было таково, что наблюденiе за ходомъ школьнаго дѣла далеко недостаточно вручить исключительно школьной администрацiи. Дѣло школьное — дѣло черезчуръ трудное, и слѣдить за нимъ, какъ бы слѣдовало, также не легко. Ограничиться

исключительно оффиціальнымъ контролемъ школьной администраціи дѣло это не можетъ по одному уже тому, что оффиціальный контроль часто бываетъ „ненадеженъ и даетъ слабый результатъ“, впадая нерѣдко въ односторонность.

Ушинскій вообще былъ того взгляда, что не слѣдуетъ довѣряться главнымъ образомъ своему единоличному опыту и практикѣ, а необходимо въ интересахъ самого дѣла имѣть провѣрку ихъ при посредствѣ людей, въ данномъ дѣлѣ также заинтересованныхъ. И вотъ, чтобы школа не могла оказаться односторонней въ своей теоріи, — какъ на вѣрный путь, онъ указывалъ на необходимость обмѣна мыслями педагоговъ другъ съ другомъ и педагоговъ съ родителями и обществомъ.

Вообще, активное содѣйствіе и участіе общества въ лицѣ родителей и воспитателей для выработки педагогическаго дѣла является очень желательнымъ, по мнѣнію Ушинскаго. „Наставническая и воспитательная дѣятельность, можетъ быть, болѣе чѣмъ какая либо другая нуждается въ постоянномъ воодушевленіи“, замѣчаетъ онъ, „а между тѣмъ она болѣе чѣмъ всякая другая дѣятельность удалена отъ взоровъ общества“. Ушинскій находитъ, что отъ этого обѣ стороны страдаютъ одинаково. По его очень мѣткому опредѣленію, тамъ, гдѣ общество остается индифферентнымъ къ вопросамъ воспитанія, тамъ, несмотря на количество учебныхъ заведеній, желаемое воспитаніе будетъ въ сущности отсутствовать. Не поможетъ въ данномъ случаѣ даже самая хитрая, образцово выработанная воспитательная система. При всѣхъ своихъ положительныхъ сторонахъ эта система, какъ не исходящая изъ общественнаго убѣжденія, окажется сравнительно безсильной. Она не произведетъ должнаго вліянія одинаково какъ на характеръ отдѣльнаго лица, такъ и на цѣлое общество. Индифферентизмъ общества неизбѣжно отразится застоемъ и спячкой школы. Во избѣжаніе такого рода печальнаго явленія, Ушинскій указывалъ какъ на вѣрное средство, на необходимость широкой гласности общественнаго мнѣнія и въ то же время на возможность развитія и простора педагогической литературы. Эта литература въ данномъ случаѣ является связывающимъ звеномъ между обществомъ и педагогической дѣятельностью.

Являясь до извѣстной степени отголоскомъ мнѣній и требованій общества, педагогическая литература всегда будетъ прочной основой для улучшенія воспитательнаго дѣла. Ушинскій стремился доказать, что, съ одной стороны, педагогическая литература можетъ выработать и установить въ обществѣ бóльшую правильность требованій по отношенію воспитанія, съ другой, она можетъ дать возможность найти необходимые пути и средства для удовлетворенія самихъ потребностей воспитанія. „Педагогическая литература, живая, современная

и обширная вырываетъ воспитателя изъ его замкнутой, усыпительной сферы, вводитъ его въ благородный кругъ мыслителей, посвятившихъ всю свою жизнь дѣлу воспитанія". Черезъ посредство педагогической литературы каждый воспитатель получаетъ широкую возможность ознакомиться съ разнообразными методами воспитанія и педагогическими мѣрами. Такимъ образомъ, онъ въ силахъ будетъ избѣгнуть той односторонности, которой нерѣдко страдаютъ педагоги, особенно практики. А вѣдь „сколько зла можетъ сдѣлать рутина одного такого педагога, если она ошибочна", — замѣчаетъ Ушинскій.

При посредствѣ же педагогической литературы, когда является возможность выработки общественнаго мнѣнія о назрѣвшихъ педагогическихъ вопросахъ, является и вѣрный путь, который въ силахъ придать педагогической дѣятельности настоящій смыслъ и занимательность, отсутствіе чего обращаетъ ее въ механическое исполненіе своихъ обязанностей. Черезъ посредство педагогической литературы является возможность привлечь и обратить вниманіе общества на дѣло воспитанія и въ то же время указать и выяснить его великое значеніе, а педагогу дать возможность занять то именно мѣсто, которое принадлежитъ ему по праву и по важности возложенныхъ на него обязанностей. Такимъ образомъ, сдѣлавъ вопросъ школы вопросомъ семьи и общества черезъ посредство широкаго распространенія педагогической литературы, Ушинскій указалъ тѣмъ самымъ болѣе удобный и вѣрный, по его мнѣнію, путь ввести въ семью и общество здравыя и разумныя педагогическія понятія о воспитаніи и обученіи.

Въ глазахъ Ушинскаго школьная дѣятельность не должна была и даже не могла ограничиваться только механической передачей знаній. Не выучка съ цѣлью подготовки къ какой либо профессіи и потому не стремленіе начинять голову ученика опредѣленнаго рода знаніями, а прежде всего развитіе и культивированіе его способностей, вотъ назначеніе настоящей школы, особенно первоначальной. Эту идею великаго Песталоцци Ушинскій считалъ однимъ изъ выдающихся міровыхъ открытій. По мнѣнію его, открытіе Америки принесло менѣе пользы человѣчеству и менѣе для него имѣло значенія, чѣмъ эта великая идея самоотверженнаго энтузіаста Песталоцци, цѣной всей своей многострадальной жизни заплатившаго за то, „чтобы ввести свою идею въ число немногихъ живыхъ и дѣятельныхъ идей, двигающихъ человѣчество". И вотъ, только неуклонно преслѣдуя цѣль, указанную Песталоцци, школа могла считать себя исполняющей свое истинное назначеніе. При этомъ сама ея дѣятельность неизбѣжно должна была явиться и обучающей, и воспитывающей въ одно и то же время.

Поэтому со стороны школы оказывалось вполнѣ естественнымъ обратить прежде всего вниманіе на свойственную ребенку природную любознательность и пытливость. Умѣлое воспитаніе и развитіе обѣихъ этихъ важныхъ способностей человѣка — главный залогъ всего и школьнаго, а впослѣдствіи и его личнаго успѣха.

На каждомъ шагу ребенокъ способенъ проявлять самимъ Творцомъ заложенныя въ его душу любознательность и пытливость. Ребенокъ — существо, для котораго все окружающее еще такъ ново, такъ полно неистощимой занимательности и интереса. Разнообразный міръ Божій мало еще знакомъ ребенку, мало извѣстенъ и потому такъ непреодолимо влечетъ его къ себѣ. Въ пору ранняго дѣтства всегда можно наблюдать болѣе рельефное, болѣе ярко очерченное проявленіе пытливости и любознательности, чѣмъ въ періодъ зрѣлаго возраста, въ періодъ вполнѣ уже окрѣпшей, зрѣлой мысли.

Вполнѣ понятно, что умѣнье со стороны школы поддержать эти врожденныя способности ребенка, пробудить ихъ, если нужно, и удовлетворить ихъ запросамъ — одно изъ главныхъ ея достоинствъ.

Ребенокъ крайне впечатлителенъ и отзывчивъ ко всему окружающему. Эта особенность его, тѣсно связанная съ любознательностью и пытливостью, представляетъ собой тѣ цѣнныя свойства, которыя въ виду своихъ же цѣлей, школа должна стараться бережно и заботливо культивировать, а не подавлять. Утрата этихъ свойствъ для человѣка незамѣнима, у него уже мало будетъ шансовъ на возстановленіе ихъ въ самой жизни. Окунувшись въ жизнь и узнавъ всѣ ея требованія, человѣкъ обыкновенно имѣетъ черезчуръ мало необходимыхъ условій и досуга, для того чтобы возстановить подавленную или заглушенную въ немъ съ ранней поры впечатлительность, отзывчивость и благородную пытливость. Современная жизнь въ большинствѣ случаевъ заставляетъ людей прежде всего тяжелымъ трудомъ добывать свой насущный кусокъ хлѣба. Сами условія жизни оказываются черезчуръ искусственными и человѣку нерѣдко приходится не искать вовсе смысла въ той или другой работѣ, а исполнять ее болѣе механически.

Вполнѣ естественно, что каждое дѣло, каждая работа, если она исполняется въ силу необходимости, а тѣмъ болѣе по принужденію, далеко не привлекательна и бываетъ способна даже внушать къ себѣ отвращеніе. Проявленіе этого, конечно, особенно рельефно выражается дѣтскимъ міромъ, что́ и не трудно бываетъ наблюдать, когда неумѣло приступаютъ къ первоначальному обученію дѣтей. При такихъ условіяхъ дѣти являются буквально мучениками науки, которой по неволѣ только подчиняются и которой при первомъ удобномъ случаѣ стремятся мстить по своему.

Совершенно иная картина является, когда занятія съ ребенкомъ умѣло поставлены. Если занятія идутъ живо и интересно для ученика, они всегда оказываются способными привлечь его вниманіе, и само ученіе при этомъ становится привлекательнымъ. Заинтересованный ребенокъ полюбитъ свою работу, она уже не будетъ тяготить его. Ребенокъ самъ безъ всякаго понужденія начнетъ учиться.

Тонкій знатокъ дѣтской души и другъ ребенка, Ушинскій ставилъ поэтому для школы первымъ и необходимымъ условіемъ ея успѣха прежде всего — сдѣлать для ученика работу интересной. Но, рекомендуя школѣ основывать свое обученіе на стремленіи возбуждать у ребенка интересъ къ работѣ, Ушинскій далеко не являлся сторонникомъ ученія, получающаго видъ и характеръ забавы. Онъ даже относилъ къ числу погрѣшностей нѣкоторыхъ педагоговъ ихъ стремленіе придать своему ученію легкій, шутливый характеръ. Ушинскій энергично возставалъ противъ такого способа. Учить ребенка, забавляя его, онъ допускалъ возможнымъ лишь до 7-лѣтняго возраста, когда дѣлаются первыя попытки въ этомъ направленіи. Что же касается дѣтей болѣе взрослыхъ, то съ ними, по мнѣнію Ушинскаго, слѣдуетъ заниматься вполнѣ серьезно и тѣмъ самымъ съ ранней поры пріучать ихъ относиться къ наукѣ съ вполнѣ заслуженнымъ ею уваженіемъ. Какъ на одно же изъ главныхъ средствъ поддерживать всегда интересъ у ребенка къ его школьной работѣ, Ушинскій указываетъ на необходимость ее разнообразить и не дѣлать черезчуръ утомительной и непосильной.

Исходя изъ этого положенія, въ священную обязанность вмѣнялъ онъ школѣ постоянно зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы занятія были всегда своевременны и не превышали силъ дѣтей. „Нельзя держать вниманіе ученика въ возбужденномъ состояніи въ теченіе какого угодно продолжительнаго времени“ замѣчаетъ Ушинскій, а потому, заботясь объ успѣхѣ своего дѣла, школа должна выработать себѣ въ этомъ отношеніи опредѣленную норму, чувство мѣры. Умѣлый и опытный учитель всегда съ успѣхомъ сумѣетъ обойти многіе терніи.

„Дѣтей нельзя утомлять слишкомъ продолжительными для ихъ возраста занятіями въ одномъ направленіи“, говоритъ Ушинскій. „Дѣти еще не способны къ слишкомъ продолжительному вниманію и не могутъ долго сосредоточиваться на одномъ предметѣ, поэтому учитель долженъ разнообразить предметы занятій, чтобы избѣжать утомленія дѣтей и школьной скуки, которая служитъ источникомъ многихъ дѣтскихъ проступковъ, шалостей, лѣни, капризовъ, отвращенія къ ученію и даже хитрости и лицемѣрія“.

Если школьный учитель лѣнивъ, неумѣло ведетъ занятія или имѣетъ слабое знакомство съ методомъ, который способствовалъ бы ему съ большимъ успѣхомъ поддерживать вниманіе класса, если

онъ будетъ ограничиваться на урокѣ спрашиваніемъ однихъ учениковъ, заставляя въ то же время другихъ или напряженно ждать своей очереди, или же отъ скуки стараться развлечься чѣмъ либо постороннимъ, учитель самъ будетъ способствовать порчѣ ученика. „Такимъ образомъ проводитъ иной счастливый мальчикъ, иронически замѣчаетъ Ушинскій, бо́льшую часть цѣлой недѣли и пріобрѣтаетъ гнусную привычку оставаться цѣлые часы, ничего не дѣлая и ничего не думая". Это вполнѣ удобное время для возможности порчи головы, сердца и нравственности ребенка. Ушинскій держался того взгляда, что обученіе можетъ быть тѣмъ основательнѣе, чѣмъ строже соблюдается пропорціональность между возрастомъ ребенка и количествомъ изучаемыхъ имъ предметовъ. Отсутствіе въ работѣ необходимой привлекательности, ея монотонность и непосильность способны одинаково до извѣстной степени калѣчить ребенка.

Когда руководство преподаваніемъ въ рукахъ умѣлаго учителя, время классовъ безъ ущерба можетъ быть сокращено имъ почти на половину, если для этого является почему либо ощутительная необходимость, но за то „остающаяся половина отниметъ все активное вниманіе класса". Это активное вниманіе и есть первый залогъ успѣха.

Для того чтобы достигнуть его, Ушинскій считаетъ необходимымъ, чтобы учитель давалъ ребенку возможно больше участія въ работѣ самому лично и развивалъ въ немъ сознательное къ работѣ отношеніе. Исходя изъ такого положенія, Ушинскій считалъ священной обязанностью школы употреблять всѣ зависящія отъ нея усилія, чтобы поощрять въ ребенкѣ возможно большую самостоятельность въ работѣ. Поэтому учить ребенка, какъ у насъ обыкновенно принято понимать, онъ не находилъ полезнымъ, а болѣе дѣйствительнымъ — скорѣе умѣло помогать ребенку учиться. Взглядъ Ушинскаго былъ таковъ, что каждое знаніе тогда лишь можетъ стать личнымъ достояніемъ, когда оно пріобрѣтено черезъ посредство извѣстной доли усилій, личной работы.

На этомъ основаніи онъ считалъ, что школьное преподаваніе, зорко слѣдя за развитіемъ самодѣятельности ученика и пріучая ученика къ сознательной работѣ, должно избѣгать излишка наводящихъ вопросовъ. Чрезмѣрное усердіе въ этомъ отношеніи, чѣмъ отличалась нѣмецкая педагогія, Ушинскій далеко не считалъ полезнымъ, такъ какъ этотъ путь, по его мнѣнію, могъ не мало способствовать даже развитію умственной лѣни, а тѣмъ болѣе не соотвѣтствовалъ одному изъ основныхъ его требованій отъ школы — пріученію ребенка къ самостоятельной работѣ.

Педагогическая теорія Ушинскаго была такова, чтобы ученикъ подъ умѣлымъ руководствомъ школы, шагъ за шагомъ, самостоятельно преодолѣвалъ въ своей работѣ одну трудность за дру-

гой. Вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ, чѣмъ больше будетъ со стороны ученика проявленій активности, тѣмъ для него скорѣе работа утратитъ видъ пассивной и вынужденной. Начиная самостоятельно шагъ за шагомъ преодолѣвать въ своей работѣ одну трудность за другой, ребенокъ въ то же время получаетъ возможность болѣе оцѣнить настоящее значеніе своего дѣла, получаетъ при этомъ и извѣстную долю въ немъ интереса и удовольствія.

Вообще насколько возможно раньше Ушинскій совѣтуетъ внушать дѣтямъ болѣе серьезное отношеніе и взглядъ на окружающій ихъ міръ, на жизнь вообще и тѣсно связанный съ ней неизбѣжный трудъ. Указать истинное значеніе труда и развить у учащихся привычку и даже любовь къ нему имѣетъ громадное значеніе въ школьномъ дѣлѣ.

Являясь горячимъ поборникомъ и печальникомъ нашей русской школы, Ушинскій стремился вложить трудъ въ качествѣ одного изъ основныхъ ея началъ. Трудъ въ глазахъ Ушинскаго имѣетъ громадное значеніе въ жизни человѣка вообще. Эту одну изъ своихъ излюбленныхъ идей онъ очень удачно выразилъ въ одной своей педагогической статьѣ подъ названіемъ: „Трудъ въ его психологическомъ и воспитательномъ значеніи“. Основной его тезисъ былъ въ томъ, что „трудъ сдѣлался довершителемъ законовъ человѣческой природы и необходимымъ условіемъ его [человѣка] тѣлеснаго, нравственнаго и умственнаго совершенствованія; что матеріальные плоды трудовъ составляютъ человѣческое достояніе, но только внутренняя духовная, животворная сила труда служитъ источникомъ человѣческаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственности, и счастія“. Потому трудъ обязателенъ для каждаго человѣка, въ немъ сама жизнь человѣка и возможность прогрессировать. Потребность труда коренится въ самой натурѣ человѣка и, какъ каждая потребность, въ силу условій можетъ развиваться или заглушаться. „Тѣло, сердце и умъ человѣка требуютъ труда, говоритъ Ушинскій, и это требованіе такъ настоятельно, что, если почему бы то ни было у человѣка не окажется своего личнаго труда въ жизни, тогда онъ теряетъ настоящую дорогу, и передъ нимъ открываются двѣ другія, обѣ одинаково гибельныя: дорога неутолимаго недовольства жизнью, мрачной апатіи и бездонной скуки, или дорога добровольнаго, незамѣтнаго самоуничтоженія, по которой человѣкъ быстро спускается до дѣтскихъ прихотей или скотскихъ наслажденій. На той и на другой дорогѣ смерть овладѣваетъ человѣкомъ заживо“. Къ сожалѣнію, рѣдко кто имѣетъ вполнѣ правильный и вѣрный взглядъ на трудъ и его значеніе. Рѣдко кто сознаетъ вполнѣ, что постоянный неустанный трудъ — обязательный долгъ человѣка, кто бы онъ ни былъ. Въ большинствѣ же люди склонны болѣе избѣгать труда,

скорѣе видѣть въ немъ для себя тяжелую и вынужденную обязанность, обузу, кару, отъ которой при первомъ удобномъ случаѣ спѣшатъ и готовы избавиться. „Трудъ, конечно, бремя“, говоритъ Ушинскій, „но бремя, безъ котораго возможное соединеніе человѣческаго достоинства и счастья невозможно“, и въ то же время это основной элементъ, главный источникъ достоинства человѣка, его счастья и нравственности. „Только тотъ, кто могъ найти въ своей работѣ полное удовлетвореніе, кто получилъ сознаніе приносимой имъ пользы, тотъ только и могъ увѣренно сказать, что онъ трудился. Въ то же время онъ могъ видѣть осмысленность своего существованія, а сама работа его съ полнымъ правомъ могла быть названа почетнымъ именемъ труда“. Это истинное значеніе труда, по мнѣнію Ушинскаго, искажено людьми пошлыми, которые и лишили трудъ его настоящаго смысла, настоящаго нравственнаго значенія, серьезнаго, честнаго и почетнаго.

Совершаясь болѣе въ виду мелкихъ меркантильныхъ интересовъ изъ-за обогащенія или наживы, трудъ, естественно, могъ утратить свое истинное высокое значеніе, — онъ пересталъ быть свободнымъ, тогда какъ понимаемый въ своемъ настоящемъ значеніи — нравственнаго долга и потому исполняемый человѣкомъ всегда сознательно, трудъ не можетъ быть подневольнымъ.

Что же касается дѣйствительно подневольнаго труда, труда изъ подъ палки, то Ушинскій считалъ его унижающимъ само достоинство человѣка, низводящимъ человѣка на степень безсмысленнаго низшаго животнаго.

По наблюденію Ушинскаго, среди нашего общества еще сильно развита положительная боязнь труда, нагляднымъ примѣромъ чего Ушинскій приводитъ родителей, готовыхъ буквально выбиваться изъ послѣднихъ силъ, лишь бы дать возможность своимъ дѣтямъ менѣе трудиться. Каковы же результаты? Въ большинствѣ случаевъ отрицательные и крайне печальные. Дѣти, съ ранней поры, не пріученныя и не привыкшія къ труду, мало того что рѣдко находятъ желанное счастье въ жизни, но привычка къ праздности вырабатываетъ изъ нихъ или вялыхъ неудовлетворенныхъ въ жизни лѣнтяевъ, или же, хуже того, мотовъ и кутилъ. На школу Ушинскій возлагалъ большую надежду. По его мнѣнію, только та школа вправѣ была считать исполняющей до извѣстной степени свое назначеніе по отношенію къ обществу, которая даетъ ему дѣятельныхъ членовъ, глубоко убѣжденныхъ, что жить не трудясь — гадко и подло. Потому одна изъ первыхъ обязанностей школы — пріучить ребенка къ труду и неизбѣжно связанному съ правильнымъ трудомъ порядку.

Если школа не успѣетъ или не сумѣетъ зажечь въ ребенкѣ серьезнаго стремленія къ труду, тѣмъ самымъ она лишитъ его впослѣдствіи многихъ блачъ жизни.

Вполнѣ естественно, что правильная постановка школьнаго дѣла, развивая мыслительныя способности ребенка и пріучая его болѣе думать, тѣмъ самымъ развиваетъ въ немъ и само стремленіе къ умственной дѣятельности и до извѣстной степени привычку къ труду. „Умственный трудъ едва ли не самый тяжелый для человѣка“, замѣчаетъ Ушинскій. „Мечтать легко и пріятно, но думать трудно“, однако, „человѣкъ, привыкшій трудиться умственно, скучаетъ безъ такого труда, ищетъ его и, конечно, находитъ на каждомъ шагу“. И вотъ, для того, чтобы внушить ребенку необходимую привычку къ труду, Ушинскій первымъ условіемъ считаетъ — окружить ребенка благопріятной сферой.

Самымъ опаснымъ и губительнымъ для человѣка, по мнѣнію Ушинскаго, бываетъ то состояніе человѣка, когда онъ оказывается одинаково безъ мысли въ головѣ и безъ работы въ рукахъ. Это состояніе, по мѣткому опредѣленію Ушинскаго, „лакейское“, можетъ быть прямымъ слѣдствіемъ образовавшейся у многихъ привычки непроизводительно убивать время. „Какъ будто его дано человѣку слишкомъ много!“ съ негодованіемъ замѣчаетъ онъ. Такого рода привычка, укоренившись въ силу условій, и создаетъ впослѣдствіи тѣхъ людей, которые, вступивъ самостоятельно въ жизнь, не знаютъ, что съ собой дѣлать. Кто же виноватъ въ этомъ? Къ сожалѣнію, нерѣдко не одни жизненныя условія, но и сама школа. Она первая можетъ явиться, сверхъ ожиданій, культивирующей привычку убивать время. „Вѣдь, это фразы крайнихъ теоретиковъ и доктринеровъ“, говоритъ Ушинскій, „что ученикъ долженъ и можетъ съ увлеченіемъ относиться ко всему, что дѣлается въ классѣ. Въ трудѣ не все доставляетъ удовольствіе. Въ трудѣ всегда можетъ встрѣтиться и скучный моментъ, и подчасъ нѣкоторая сухость, механизмъ и т. п.“. Какъ мы уже сказали раньше, говоря о необходимости разнообразія при веденіи школьныхъ занятій, Ушинскій указывалъ, что успѣхъ дѣла необходимо требуетъ смѣны одной работы на другую. Умѣлое чередованіе умственнаго труда съ умственнымъ же, только нѣсколько иного характера, нѣсколько видоизмѣненнымъ, или же съ трудомъ физическимъ служитъ въ одно и то же время и отдыхомъ, и развитіемъ привычки къ труду. Установится эта привычка прочно, человѣкъ полюбитъ самый трудъ, для него утратитъ свою заманчивую привлекательность праздность, и явится вполнѣ разумное отношеніе къ необходимому отдыху. Какъ на примѣръ раціональнаго отношенія школы къ сбереженію времени и пріученію ребенка къ труду, Ушинскій указываетъ на германскія школы, гдѣ свободное время учениковъ всегда занято то хозяйствомъ, то обработкой сада, огорода при школѣ, уборкой класса, или же какого либо рода ремеслами.

Но являясь горячимъ сторонникомъ воспитывающаго значен я труда и противникомъ праздности, Ушинскій въ то же время далеко не былъ противъ различнаго рода развлеченій для ребенка. Онъ безусловно признавалъ ихъ громадное значеніе для дѣтскаго возраста, хотя и несклоненъ былъ смотрѣть на значеніе дѣтскихъ игръ, напр., такъ восторженно оптимистически, какъ педагоги позднѣйшаго времени. Главное, онъ не считалъ полезнымъ для ребенка допускать его въ этомъ отношеніи до пресыщенія, а находилъ необходимымъ только пріучать ребенка добровольно и безъ особаго усилія оставлять игры и развлеченія ради необходимой работы.

Каждый ребенокъ непреодолимо стремится копировать взрослыхъ, среди которыхъ ему приходится жить. На этомъ основаніи, замѣчаетъ Ушинскій, никакія отвлеченныя правила не въ силахъ замѣнить собою ребенку живой примѣръ, единственно могущій оказывать воспитательное вліяніе на ребенка. „Невозможно такъ изолировать воспитаніе, чтобы окружающая его со всѣхъ сторонъ жизнь не имѣла на него вліянія". Запросы и требованія жизни всегда найдутъ въ воспитаніи свое отраженіе. На этомъ основаніи вполнѣ понятно, что тамъ, гдѣ ребенокъ видитъ вокругъ себя главнымъ образомъ стремленіе къ удовольствіямъ, которыя составляютъ какъ бы цѣль жизни для старшихъ, бываетъ очень трудно придать ребенку желанное направленіе. Таковъ, напримѣръ, весь режимъ жизни великосвѣтскихъ людей. У взрослыхъ на первомъ планѣ — театры, маскарады, балы, наука же и ея интересы отступаютъ при этомъ неизбѣжно на второй планъ и болѣе стушевываются. Присматриваясь съ ранней поры къ жизни старшихъ, такой ребенокъ, естественно, привыкаетъ къ ней и находитъ много прелести. Весь складъ жизни большого свѣта приводитъ ребенка къ выводу, „что ученье и учителя изобрѣтены собственно для дѣтей, а для взрослыхъ есть кое-что получше".

Высшій слой общества, по мнѣнію Ушинскаго, видитъ и поощряетъ въ ученіи, главнымъ образомъ, стремленіе къ карьерѣ. Менѣе замѣтно поощрительное отношеніе въ этомъ направленіи среди людей болѣе простыхъ. У простого русскаго народа Ушинскій находилъ въ высокой степени развитую способность къ труду и любовь къ нему, потому у него онъ и рекомендовалъ учиться работать.

Ушинскій чрезвычайно высоко ставилъ педагогическое дѣло и потому считалъ священной обязанностью каждаго, взявшагося за воспитаніе и обученіе дѣтей, стараться оказывать на нихъ благотворное вліяніе. Способность же благотворнаго воспитательнаго вліянія учителя и его умѣніе управлять дѣтьми во многомъ можетъ зависѣть отъ него самого. По мнѣнію Ушинскаго, воспитатель можетъ выработать и развить въ себѣ эту способность, если будетъ чутко

прислушиваться къ потребностямъ дѣтской души, изучать ея запросы. Воспитатель долженъ старательно и заботливо изучать какъ характеры, такъ и душевныя настроенія своихъ воспитанниковъ, зорко наблюдать за тѣмъ или инымъ проявленіемъ, которое явится слѣдствіемъ различныхъ способовъ его отношеній къ нимъ. Руководствуясь такими воззрѣніями, Ушинскій прежде всего требовалъ отъ педагога-воспитателя, чтобы онъ обладалъ основательными и возможно разносторонними свѣдѣніями о человѣческой природѣ, безъ чего считалъ немыслимымъ и само педагогическое дѣло. „Воспитатель долженъ стремиться узнать человѣка, каковъ онъ есть въ дѣйствительности, со всѣми его слабостями и во всемъ его величіи, со всѣми его будничными мелкими нуждами и со всѣми его духовными требованіями. Воспитатель долженъ знать человѣка въ семействѣ, въ обществѣ, среди народа, среди человѣчества и наединѣ съ своей совѣстью, во всѣхъ возрастахъ, во всѣхъ классахъ, во всѣхъ положеніяхъ, въ радости и горѣ, въ величіи и униженіи, въ избыткѣ силъ и болѣзни, среди неограниченныхъ надеждъ и на одрѣ смерти, когда слово человѣческаго утѣшенія уже безсильно. Онъ долженъ знать побудительныя причины самыхъ грязныхъ и самыхъ высокихъ дѣяній, исторію зарожденія преступныхъ и великихъ мыслей, исторію развитія всякой страсти и всякаго характера. Тогда только онъ будетъ въ состояніи почерпать въ самой природѣ человѣка средства воспитательнаго вліянія, а средства эти громадны“. Педагогическое дѣло, какъ касающееся исключительно человѣка, естественно, прежде всего требуетъ основательнаго изученія и знанія человѣческой натуры. „Если педагогика хочетъ воспитать человѣка во всѣхъ отношеніяхъ, замѣчаетъ Ушинскій, то она должна прежде узнать его тоже во всѣхъ отношеніяхъ“. Только достигнувъ этой цѣли, можно получить возможность управлять человѣкомъ, согласно своимъ намѣреніямъ. Отсюда прямое слѣдствіе, что приступать къ такому дѣлу возможно не иначе, какъ обладая довольно солиднымъ научнымъ багажомъ.

Каждая воспитательная дѣятельность, какъ тѣсно связанная съ направленіемъ общественной жизни, всегда должна являться дѣятельностью живой. Въ то же время, какъ дѣятельность, необходимо связанная съ наукой и проникнутая умственно культурными элементами, она возможна только при основательной подготовкѣ. Ясно, что педагогъ не можетъ быть мало свѣдущимъ, иначе онъ не въ силахъ исполнять свое назначеніе „двигать науку впередъ“. Чтобы не итти въ своемъ дѣлѣ наугадъ или ощупью, педагогъ-воспитатель долженъ пріобрѣсть твердую почву, онъ долженъ быть врачемъ, а не знахаремъ. „Далеко бы ушла медицина, если бы она остановилась на рецептахъ знахарей и случайно открытыхъ врачебныхъ свойствахъ нѣкоторыхъ медикаментовъ“, говоритъ Ушинскій.

Педагогъ-знахарь не менѣе рисковалъ бы искалѣчить многія сотни дѣтскихъ душъ.

„Искусство воспитанія, какъ и искусство врачеванія, требуетъ долговременной, спеціальной теоретической и практической подготовки.“ „Но въ томъ то и бѣда“, говоритъ Ушинскій, „что немногіе у насъ еще и до сихъ поръ убѣждены, что воспитаніе есть искусство, при томъ искусство не легкое, хотя, казалось бы, результаты, которыхъ мы до сихъ поръ достигали въ воспитаніи, могли убѣдить въ этомъ каждаго.“ И вотъ, въ виду пользы дѣла, Ушинскій не хотѣлъ видѣть въ лицѣ педагога человѣка, односторонне развитого и смотрящаго на все черезъ призму своей спеціальности. Нигдѣ односторонность настолько не вредна, какъ въ педагогическомъ дѣлѣ. Ушинскій допускалъ возможность односторонности для экономиста, историка, психолога и т. п., но для педагога-воспитателя — ни въ коемъ случаѣ.

„Искусство воспитанія выросло медленнымъ историческимъ путемъ, и тотъ, кто хочетъ воспитывать дѣтей, долженъ посвятить много времени этому искусству“. Если отъ ремесленника требуется не только знаніе его ремесла, но и совершенствованіе въ немъ, тѣмъ болѣе общество въ правѣ требовать отъ человѣка, которому поручаетъ воспитаніе своихъ дѣтей широкаго знакомства съ своимъ предметомъ. Эта важность педагогическаго дѣла и заставляетъ Ушинскаго такъ горячо ратовать за возможность болѣе основательной подготовки и широкаго образованія педагоговъ при посредствѣ организаціи педагогическаго факультета при университетѣ — для средней школы и учительскихъ семинарій, педагогическихъ курсовъ — для низшей. „Общественное воспитаніе совсѣмъ не такое малое дѣло, чтобы оно не заслуживало особаго факультета“, говоритъ Ушинскій. „Цѣль педагогическаго факультета могла бы быть даже опредѣленнѣе цѣли другихъ факультетовъ. Этою цѣлью было бы изученіе человѣка во всѣхъ проявленіяхъ его природы, со спеціальнымъ приложеніемъ къ искусству воспитанія. Практическое значеніе такого педагогическаго или вообще антропологическаго факультета было бы велико. Педагоговъ численно нужно не меньше, а даже еще больше, чѣмъ медиковъ, и, если медикамъ мы ввѣряемъ наше здоровье, то воспитателямъ ввѣряемъ нравственность и умъ дѣтей нашихъ, ввѣряемъ ихъ душу и вмѣстѣ съ тѣмъ и будущность нашего отечества“. Отсюда ясно, почему въ качествѣ сторонника и поборника общественнаго воспитанія Ушинскій въ основѣ наукъ для приготовленія къ педагогической дѣятельности ставилъ науку о человѣкѣ, объ обществѣ и всестороннемъ развитіи человѣчества. Поэтому, по его мнѣнію, программа педагогическихъ факультетовъ должна была состоять изъ анатоміи, физіологіи, пато-

логіи человѣка, психологіи, логики, сюда же присоединялись филологія, географія, статистика, политическая экономія, исторія съ подраздѣленіями на исторію религіи, цивилизаціи, философскихъ системъ, литературъ, искусствъ и собственно воспитанія.

Ушинскій не считалъ возможнымъ для человѣка, занимающагося педагогіей, не быть хорошимъ психологомъ, такъ какъ педагоги — „единственный классъ людей, для практической дѣятельности которыхъ изученіе духовной стороны человѣка является такимъ же необходимымъ, какъ для медика изученіе тѣлесной". Потому изученіе этого отдѣла для педагоговъ Ушинскій особо подчеркивалъ. Если университеты его времени имѣли факультеты медицинскій, камеральный, а не имѣли педагогическаго, объясненіе такого явленія Ушинскій находилъ въ вѣрномъ признакѣ большей заботы людей о здоровьи своего тѣла и кармана, чѣмъ о здоровьи нравственномъ и разумномъ будущемъ своего молодого поколѣнія. Если общество болѣе обращаетъ вниманіе на спеціальное образованіе, заботясь болѣе о медикахъ, математикахъ, архитекторахъ, техникахъ и т. п., чѣмъ о подготовкѣ воспитателей, то является вполнѣ естественнымъ, что грандіозныя фабрики, великолѣпныя биржи и т. п. далеко не соотвѣтствуютъ нравственному уровню общества.

Мысль Ушинскаго относительно организаціи педагогическихъ факультетовъ не нашла себѣ поддержки у современниковъ. Она показалась имъ излишкомъ увлеченія; съ тѣхъ поръ проэктъ антропологическихъ факультетовъ и постигла печальная участь. Проэктъ этотъ остался только прекрасной мечтой своего времени, мечтой, безнадежно сданной въ архивъ. Узнать о ней мы можемъ только изъ произведеній Ушинскаго. Но, не говоря уже о современникахъ Ушинскаго, много ли мы, позднѣйшее поколѣніе, успѣли почерпнуть изъ этой мечты и перенести въ свою дѣйствительность? Дошли ли мы до сознанія необходимости болѣе широкой подготовки для педагогическаго дѣла, о чемъ такъ горячо ратовалъ и убѣдительно доказывалъ Ушинскій?

Нашъ филологическій факультетъ, прежде всего, не имѣетъ даже каѳедры педагогики. Можетъ ли педагогъ по окончаніи курса обладать основательной подготовкой къ своей дѣятельности, когда онъ прямо со студенческой скамьи переходитъ на каѳедру учителя? А въ сущности, прекрасная мечта Ушинскаго развѣ не могла бы найти себѣ до извѣстной степени осуществленія въ дѣйствительности настоящаго времени при нѣкоторомъ видоизмѣненіи цикла предметовъ нашихъ филологическихъ факультетовъ? Многія изъ тѣхъ наукъ, на необходимость изученія которыхъ для педагоговъ вполнѣ основательно указываетъ Ушинскій, вѣдь имѣются у насъ на другихъ факультетахъ. Сознавая ихъ необходимость для педагоговъ, почему

бы человѣку, готовящемуся къ этому поприщу, не слушать ихъ частью у медиковъ, частью у естественниковъ, частью у юристовъ? При такихъ условіяхъ, конечно, будущій педагогъ получилъ бы несравненно болѣе возможности серьезно и обстоятельно изучить человѣческую природу въ ея главнѣйшихъ проявленіяхъ, а если къ тому же студентъ-филологъ будетъ имѣть возможность необходимаго опыта, у насъ менѣе будетъ появляться тѣхъ узкихъ подчасъ спеціалистовъ, которые нерѣдко оказываются теперь среди нашихъ учителей. Мы будемъ имѣть болѣе твердую почву для педагогической подготовки, и завѣты нашего „учителя учителей" выйдутъ изъ области неосуществленной мечты.

Въ сущности педагогическимъ вопросамъ всегда приходится очень медленно выходить изъ своей чисто спеціальной сферы и становиться болѣе вопросами общественными. Однимъ изъ болѣе счастливыхъ изъ этихъ вопросовъ въ пору Ушинскаго оказался вопросъ объ учительскихъ семинаріяхъ. Вопросъ этотъ успѣлъ быстро привиться еще съ перваго времени своего возникновенія. Иниціаторъ и организаторъ его Ушинскій получилъ возможность въ этихъ учрежденіяхъ осуществить и примѣнить многія изъ своихъ педагогическихъ предначертаній.

Какъ человѣкъ, переживший великую реформу 19 февраля 1861 г., Ушинскій, естественно, въ вопросѣ о народной школѣ и ея учителѣ видѣлъ одинъ изъ вопросовъ первой государственной важности. „Боже мой, сколько нужно школъ, школъ и школъ для всего этого народа, возрожденнаго къ гражданской жизни, писалъ онъ въ ту пору. И не школъ грамотности только, а такихъ, въ которыхъ бы народъ научился употреблять съ пользой для себя и для другихъ свою свободу". Для достиженія же указанной цѣли являлась существенная необходимость правильной подготовки самого народнаго учителя, въ виду чего Ушинскій и указывалъ на учительскія семинаріи, какъ на возможность осуществленія своей мысли. Съ этой цѣлью онъ разработалъ и указалъ основныя начала, на которыя должны были опираться эти учебныя заведенія.

Ушинскій твердо вѣрилъ въ русскій народъ, въ его стремленія къ свѣту и правдѣ, потому такъ горячо стоялъ за интересы народной школы. Основнымъ требованіемъ для нея онъ считалъ подчиненіе требованіямъ народнымъ, съ которыми и долженъ былъ прежде всего необходимо считаться народный учитель. Ушинскій былъ твердо убѣжденъ, что народъ обладаетъ не меньшей способностью понять значеніе школы, чѣмъ большинство нашего общества, и способенъ даже смотрѣть лучше на ея задачу, за что могутъ говорить сами примѣры. Задаваясь стремленіемъ учить народъ тому, что для него необходимо, Ушинскій считалъ небезполезнымъ

для самихъ учителей поучиться многому у народа. „Не забудемъ, что этотъ народъ создалъ тотъ глубокій языкъ, глубины котораго мы до сихъ поръ еще не могли измѣрить, что этотъ простой народъ создалъ ту поэзію, которая спасла насъ отъ забавнаго дѣтскаго лепета, на которомъ мы подражали иностранцамъ, что именно изъ народныхъ источниковъ мы обновили всю нашу литературу и сдѣлали ее достойной этого имени.“ Таковъ былъ завѣтъ Ушинскаго народнымъ учителямъ. Принимая во вниманіе будущее народнаго учителя, его жизненныя требованія и обстановку, Ушинскій рекомендовалъ для учительскихъ семинарій образъ жизни болѣе простой и строгій, безъ излишка свѣтскихъ развлеченій. Онъ совѣтовалъ устраивать учительскія семинаріи вдали отъ шумныхъ большихъ городовъ, въ мѣстности, гдѣ была бы возможность лучше наблюдать и изучать природу. Однако это далеко не значило, чтобы Ушинскій желалъ удалить учительскія семинаріи отъ общества, изолировать ихъ и лишить орудій и средствъ къ вполнѣ культурной жизни. Прекрасно понимая тяжелый трудъ и условія жизни будущаго „труженика на нивѣ народной“, Ушинскій стремился только, по возможности, не нарушать его покоя и тѣмъ самымъ не дѣлать еще болѣе тяжелой его будущую дѣятельность. Онъ былъ того мнѣнія, что для народнаго учителя нѣтъ особой необходимости въ обширныхъ свѣдѣніяхъ, и потому самый курсъ семинарій долженъ былъ быть не обширенъ, но въ то же время энциклопедиченъ, ясенъ, точенъ и опредѣленно изложенъ. Основываясь на томъ соображеніи, что народный учитель будетъ руководить умственной жизнью крестьянина, Ушинскій находилъ для него необходимымъ дать элементарное знакомство съ соотвѣтственными науками, искусствами и ремеслами. На практическую дѣятельность рекомендовалось имъ обращать усиленное вниманіе.

Курсъ учительской семинаріи занималъ 2—4 года. Заведенія эти были закрытыми съ цѣлью произвести большее вліяніе на характеръ и нравственное направленіе воспитанниковъ. Религіозно-нравственная сторона должна была занять въ стѣнахъ этихъ учебныхъ заведеній видное мѣсто.

Исполняя завѣты Ушинскаго, желающій быть педагогомъ, а тѣмъ болѣе народнымъ, долженъ былъ явиться тѣмъ другомъ своихъ учениковъ, который, заслуживъ ихъ любовь, внушивъ ее къ себѣ, тѣмъ самымъ черезъ свое посредство могъ внушить имъ ее ко всему человѣчеству. Первымъ условіемъ для достиженія этой цѣли Ушинскій считалъ любовь педагога къ своему дѣлу и къ дѣтямъ. Взглядъ Ушинскаго былъ таковъ, что, если учитель — человѣкъ чуткій, отзывчивый, то сами его поступки окажутся характерными выразителями его любящаго сердца и чуткой совѣсти. Вліяніе

такого педагога на своихъ воспитанниковъ будетъ безусловно благотворно. Проявленіе въ его поступкахъ чувства любви и совѣсти неизбѣжно проявитъ свое воспитательное вліяніе на всемъ окружающемъ. Какъ мы уже успѣли замѣтить раньше, дѣти обладаютъ способностью и склонностью всегда подражать старшимъ, которые успѣли получить въ глазахъ ихъ авторитетное значеніе. На этомъ же можетъ быть основано послушаніе и повиновеніе ребенка. Простой народъ — тотъ же ребенокъ.

Большее проявленіе простоты, теплоты, искренности въ отношеніяхъ между педагогомъ и его учениками, возможность болѣе тѣсно сблизить, сдружить ихъ — было горячимъ стремленіемъ Ушинскаго. На этотъ путь, въ смыслѣ благотворнаго вліянія, онъ возлагалъ большія надежды. Отсутствіе этихъ необходимыхъ факторовъ успѣха школы всегда ощутительно. Еще нашъ славный хирургъ и педагогъ Пироговъ замѣтилъ разъѣдающую язву нашей школы вообще, язву лжи и притворства, которую энергично стремился отдѣлять своимъ анатомическимъ ножемъ. Статью его по этому поводу „Быть и казаться“ Ушинскій называлъ „золотыми словами“.

Что можетъ быть хорошаго, когда учитель въ школѣ нерѣдко обманываетъ ребенка, стараясь увѣрить его въ томъ, во что самъ не вѣритъ и чего не чувствуетъ. „Мы заставляемъ дитя сочинять о томъ, чего оно не видѣло, не чувствовало, замѣчаетъ Ушинскій, заставляемъ его прикидываться то глубокомысленнымъ, то восторженнымъ, то чувствительнымъ и полагаемъ гибельныя начала двойственности въ его душѣ. Мы заставляемъ ребенка повторять наши мысли, наши чувства и восхищаемся, что дѣти, побуждаемыя желаніемъ понравиться намъ и заслужить нашу похвалу, передразниваютъ насъ такъ ужасно“. Чѣмъ же вызывается въ сущности такое печальное явленіе? Чаще всего тѣмъ, что педагогъ исполняетъ свое дѣло механически, по разъ принятому шаблону, болѣе какъ ремесло. Полнѣе иллюстрируя свою мысль, Ушинскій очень живо рисуетъ картину, которую часто можно наблюдать въ различнаго рода школахъ, гдѣ взявшійся за свое дѣло педагогъ-ремесленникъ впадаетъ въ какую то даже спячку. „Посмотрите на иного преподавателя, говоритъ Ушинскій, который, что называется, втянулся въ свою должность. Онъ, кажется, принимаетъ и живое участье въ томъ, что говоритъ, дѣлаетъ энергическіе жесты, многозначительно улыбается, серьезно хмуритъ брови. Но не вѣрьте этимъ улыбкамъ, этимъ юпитеровымъ бровямъ. Онъ точно такъ же улыбается, точно такъ же стучитъ рукой 20 лѣтъ сряду на каждомъ урокѣ. Онъ сладко дремлетъ и сердито просыпается, когда какой либо шалунъ нарушитъ его спокойствіе. Послѣ лекцій, когда онъ приходитъ домой, серьезныя житейскія заботы, а, можетъ

быть, и преферансъ, смотря по вкусу и лѣтамъ, снова пробуждаютъ его къ жизни. Какъ же требовать, чтобы у такого преподавателя ученики сохранили возбужденное состояніе, необходимое для всякаго плодотворнаго ученія: они только сидятъ смирно, боясь разбудить дремлющаго, хотя говорящаго учителя". И такъ изъ года въ годъ ведетъ свое дѣло педагогъ, исполняя его, какъ заведенная машина, а между тѣмъ педагогическое дѣло по своему великому значенію и отвѣтственности безусловно требуетъ иного, т. е., чтобы человѣкъ исполнялъ его только по призванію. „Простая добросовѣстность", замѣчаетъ по этому поводу Ушинскій, „должна удерживать каждаго изъ насъ отъ возложенія на себя обязанностей, искусство исполненія которыхъ намъ чуждо".

Считая искусство воспитанія и обученія аналогичнымъ медицинскому, Ушинскій находилъ что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, „одно ученіе не можетъ создать хорошаго медика; для этого, конечно, необходима и врожденная наблюдательность, и многолѣтній опытъ. Тѣ же требованія примѣнимы вполнѣ къ педагогамъ. Быть хорошимъ врачемъ одинаково не въ силахъ каждый, какъ и быть хорошимъ педагогомъ, — въ томъ и другомъ случаѣ необходимо обладать спеціальными способностями".

Какъ у каждаго врача, такъ и у педагога необходимо должны быть свои твердо выработанныя и опредѣленныя убѣжденія. Въ сущности убѣжденія эти и составляютъ собою ту теорію педагога, безъ которой немыслимо вести педагогическое дѣло вполнѣ твердымъ и вѣрнымъ путемъ. Каждое же дѣло тогда только въ состояніи быть правильно поставленнымъ и итти хорошо, если оно согласуется съ убѣжденіями его исполняющаго.

Взглядъ Ушинскаго былъ таковъ, что нельзя было назвать удовлетворительнымъ то преподаваніе, гдѣ уже заранѣе былъ предусмотрѣнъ и предупрежденъ каждый шагъ педагога. Этимъ онъ оказывается лишеннымъ въ его дѣлѣ необходимой иниціативы и свободы. Если педагогъ является въ качествѣ слѣпого орудія данныхъ ему предначертаній, цѣль и идеи которыхъ онъ легко можетъ и не понять иногда, какъ нужно, — въ результатѣ можетъ быть часто вредъ. Сама цѣль даннаго предначертанія не будетъ выполнена, какъ бы слѣдовало, и отразится прежде всего это на дѣтской натурѣ.

Независимость и свобода личности педагога, по мнѣнію Ушинскаго, одно изъ главныхъ условій успѣха школьнаго дѣла. Ушинскій считалъ вполнѣ возможнымъ допустить, что каждый педагогъ можетъ имѣть свою методу преподаванія и теорію воспитанія. Въ этомъ, по его мнѣнію, не было ничего опаснаго и страшнаго для школы. Главное условіе — лишь бы метода преподаванія явилась результатомъ собственнаго опыта педагога, выработанной имъ самимъ,

но не чужой, мало продуманной и болѣе принятой на вѣру. Въ такомъ только случаѣ педагогъ окажется способнымъ внести въ свое дѣло необходимую жизнь и разнообразіе, которыя лишатъ это дѣло сухости и монотонности, неизбѣжныхъ при иныхъ условіяхъ.

Собою лично Ушинскій далъ первый наглядный примѣръ для педагоговъ. Занятый вопросами воспитанія и обученія, онъ изучалъ все относящееся къ этимъ вопросамъ у другихъ культурныхъ народовъ, тѣмъ не менѣе его нельзя было упрекнуть въ слѣпой подражательности имъ въ чемъ-либо. Онъ всегда былъ самостоятеленъ, того же требовалъ отъ своихъ послѣдователей. Но, проповѣдуя самостоятельность, Ушинскій въ то же время далеко не былъ сторонникомъ самонадѣянности, въ этой крайности его нельзя было никогда упрекнуть.

Завѣты Ушинскаго педагогамъ можно въ общемъ ясно формулировать словами Некрасова:

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте. Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ.

Педагогъ, проникнутый идеями Ушинскаго будетъ бодро итти впередъ, не пожалѣетъ трудовъ и усилій для своего святого дѣла, и онъ дѣйствительно посѣетъ тѣ сѣмена добра и правды, которыя, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, неизбѣжно должны уменьшить сумму человѣческихъ страданій, уничтоживъ дикость, грубость и необузданность нравовъ.

Тотъ, кто окажется въ силахъ проникнуться взглядами Ушинскаго на педагогическое дѣло и его требованія, тотъ сдѣлаетъ школу свою „мастерской гуманности", гдѣ не только учатъ дѣтей грамотѣ, но и вырабатываютъ изъ нихъ добрыхъ и полезныхъ членовъ общества.

Идеи Ушинскаго безсмертны для нашей родины. Онѣ заставляютъ бодро смотрѣть впередъ, онѣ способны поддержать надежду на болѣе свѣтлое будущее, заставляютъ человѣка труженика сильнѣе воодушевляться вѣрою въ возможность болѣе скрасить и озарить свой жизненный путь.

Н. Грунскій.